

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

№3(26) АВГУСТ-СЕНТЯБРЬ 2010

АССОЦИАЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ УРАЛА / ЖУРНАЛ-ГАЗЕТА ПИСАТЕЛЕЙ, КНИГОИЗДАТЕЛЕЙ И КНИГОТОРГОВЦЕВ

Альберту Лиханову — 75!

ГЛАВНЫЙ МАРШАЛ ДЕТСТВА

На моё традиционно армейское: «Здравия желаю!» Альберт Анатольевич всегда радостно отзывается: «Здравствуйте, товарищ полковник!». Может быть, это потому, что прадед Лиханова по отцу — Михаил Иванович тоже был полковником, командовал Малоархангельским полком царской армии. А может, уважение к армии, к её

офицерам и солдатам — из военного детства: тогда ни у кого в стране и тени сомнения не могло возникнуть, что армия нужна! И хотя никто не вспоминал в ту пору слова Александра III-го, что «у России есть единственный союзник — её армия и флот», любовь к Вооружённым Силам была поистине всенародной... Никто и в са-

мом страшном сне увидеть не мог, что от службы в родной армии, от выполнения конституционного долга можно откупиться, как предлагает ныне одна парламентская фракция... Слава Богу, Альберт Анатольевич Лиханов — родом из той великой эпохи, которая ещё ценила Честь, Доблесть, Мужество. Эпохи, которая учила жить не для себя одного, а для своей Родины, для все-

го человечества. В романе Лиханова «Мой генерал» герой-мальчишка сочиняет стихотворение о деде-генерале:

*Мой генерал! Мой генерал! —
зову три раза —
Мой генерал! Ты только не молчи.
Ведь ты же знаешь,
что без воинских приказов
Не могут бить тревогу трубачи...*

ПРОЗА
АЛЬБЕРТА ЛИХАНОВА
С. 14-15

в номере

ПОЛЕМИКА О
ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ
ОБРАЗОВАНИИ
С. 7-8

НОВОСТИ ИЗ РЕГИОНОВ
С. 2-3

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ:
ПОЭТ А. РАСТОРГУЕВ
С. 5

ПРОЗАИК А. ПАПЧЕНКО
С. 6-7

ЗАПИСКИ ВОЛЬНОГО
ПУТЕШЕСТВЕННИКА
ЮРИЯ БРИЛЯ
С. 8-10

НОВЫЕ КНИГИ
С. 10

КРИТИКА
С. 11-12

СТИХИ БОРИСА
БУРМИСТРОВА
С. 13

КУРСК

ПЛЕНУМ И ФЕСТИВАЛЬ

Юбилейный, пятый по счету, фестиваль литературы и искусства Центрально-Федерального округа под названием «Нам дороги эти позабыть нельзя» был приурочен к юбилею Великой Победы. Открывая Пленум Союза писателей России на курской земле, председатель Союза писателей Валерий Ганичев отметил: это мероприятие, во-первых, дало возможность встретиться писателям (на фестиваль съехались представители не только городов ЦФО, но из Урала Якутии, Коми, Петрозаводска, из Украины и Белоруссии), но и еще раз обсудить вклад литературы в Победу и патриотическое воспитание молодежи. На Пленуме много говорили о том, что сегодня предпринимается огромное количество попыток переписать историю, уменьшить роль Советского Союза в победе над гитлеровской Германией. «Именно поэтому так важна литература о войне, благодаря ей не только молодежь у нас в стране, но и люди за рубежом могут узнать правду о той войне», — подчеркнул Валерий Ганичев. Архиепископ Курский и Рыльский Герман добавил, что роль литературы, искусства заключается не только в сохранении нашей военной истории, но и воспитании подрастающего поколения. «Великая Отечественная война закончилась, но война духовная — за человеческое сердце и сознание — продолжается. Что будет в сердцах нашей молодежи? Пустота? Будет ли она читать бульварные книжонки, смотреть бездушные американские фильмы? Или мы будем воспитывать, приучать ее к нашим духовным ценностям, сокровищам великой литературы, многонациональной замечательной культуре — во многом это зависит и от вас», — обратился Архиепископ к участникам Пленума. В свою очередь губернатор Курской области Александр Михайлов рассказал о том, что делается в регионе в сфере культуры. Так, в области реализуется целевая программа развития культуры, осуществляется поддержка профессиональных творческих объединений, спонсируется издание книг местных авторов — только с 2006 года вышло 40 наименований различных произведений. По количеству модельных библиотек, а их в регионе открыто уже 50, Курская область занимает третье место в России. Одними из первых, еще до придания ему всероссийского статуса, куряне стали отмечать профессиональный праздник — День работника культуры. Однако, подчеркнул Александр Михайлов, в сфере культуры и искусства сегодня имеется еще очень много проблем. «Помочь решить их мог бы федеральный закон о поддержке общественных творческих объединений. Надеюсь, эта инициатива будет поддержана вначале на региональном законодательном уровне, а затем уже и федеральном», — отметил он. В работе Пленума и Фестиваля приняли участие члены Ассоциации писателей Урала А.Титов, Г. Скарлыгин, А. Кердан, И. Тюленев. В составе нескольких писательских групп они выступили перед жителями Курска, Шелихова и других городов и сел области.

Александр БОРИСОВ

АЛТАЙСКИЙ КРАЙ

ЧЕРКАСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

«И были вместе детство и война...» — эти строки поэта-земляка дали название VIII Черкасовским чтениям, прошедшим в Калманском районе Алтайского края под знаком 65-летия Победы.

Члены краевой писательской организации Союза писателей России побывали в селах района. Они посетили родину поэта Николая Черкасова — старинное село Панфилово, побывали в средней школе, на которой установлена памятная доска в честь поэта.

В последние недели это село неоднократно упоминалось в краевой прессе, став очередным символом противостояния родительской и учительской общности с администрацией края, по инициативе которой в регионе в течение ряда лет происходит радикальное сокращение школьной сети. Именем знаменитого земляка, писатели Алтая пытаются спасти школу от притязаний чиновников. В селе Бураново прошла творческая встреча с учащимися средней школы. В райцентре Калманка с читателями центральной библиотеки общались поэты и прозаики Людмила Козлова, Владимир Коржов, Андрей Лушников, прозаик и публицист Анатолий Кирилин, композитор Михаил Стариков. Затем в музыкальной школе села состоялось большое литературно-музыкальное представление, на котором выступили лучшие творческие коллективы района. О жизни и творчестве поэта Николая Черкасова размышляли его друзья и коллеги, а близкий друг поэта Михаил Стариков исполнил песни, написанные на его стихи.

В этот же день состоялось вручение краевой литературной премии имени Николая Черкасова. Её лауреатом стала Людмила Козлова за книгу стихотворений «Росписи дождя», вышедшую в 2009 году в рамках проекта «Издано на Алтае». Библиотекам всех сел, в которых побывали литераторы в ходе чтений, были подарены книги и экземпляры журнала «Барнаул».

Валерий ТИХОНОВ

ЧЕРНОГОРИЯ

ТВОРЧЕСКИЙ ДЕСАНТ

На научно-практический фестиваль под общим названием «Русские мифы» в курортном местечке Дженовичи прибыли гости из России, США, Великобритании, Польши, Белоруссии. Среди участников были вдова и дочь известного писателя Юрия Дружников, чьему творчеству посвящался один из круглых столов. Кроме них в делегацию вошли Л. Звонарёва, Ф. Апанович, В. Бахревский, Р. Бухараев, Л. Григорьева, В. Голубев, В. Зуев, С. Казначеев, Г. Калашников, Г. Нефагина, Е. Черникова и многие другие. В программе фестиваля были выступления, дискуссии, общение и, конечно же, много стихов.

Лола ЗВОНАРЕВА

ЕКАТЕРИНБУРГ

В ДЕНЬ НАЧАЛА ВОЙНЫ

По инициативе Екатеринбургского отделения Союза российских писателей состоялось заседание «круглого стола»: «Великая война, Великая Победа — современный взгляд», в котором приняли участие екатеринбургские писатели, ученые и студенты местных вузов. С докладом выступил главный редактор журнала Уральского отделения РАН «Наука. Общество. Человек» Валентин Лукьянин. В обсуждении доклада приняли участие доктор философских наук Анатолий Ветошкин, доктор культурологии Александр Кердан, председатель ЕО СРП Арсен Титов, поэт Слава Рабинович и другие писатели. Участники круглого стола приняли резолюцию, призывающую коллег и представителей научного мира отстаивать правду о Великой войне. Так же было заявлено об открытии творческого конкурса на соискание звания лауреата литературных премий имени поэта-фронтовика Венедикта Станцева и международной литературной премии «Честь и Отчество».

Соб. информ.

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

ПО СЛЕДАМ КОМАНДОРА

Прошли писатель Александр Кердан и санкт-петербургский издатель, член Союза писателей России Ильдар Маматов. В конце июня они презентовали читателям Осы и Кунгура новый роман А.Кердана «Крест командора», посвященный Второй Камчатской экспедиции под руководством Витуса Беринга. Города для этих презентаций выбраны не случайно. Здесь в 1733 годах останавливались участники экспедиции, ведомой знаменитым капитан-командором.

Здесь же по инициативе Ильдара Маматова — уроженца Осы будет открыт музей великих путешествий, ибо Пермский край связан не только с именем Беринга. В Кунгуре родился герой еще одного романа А. Кердана — Кирилл Хлебников, правитель Ситхинской конторы Российско-Американской компании, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук. Столица края — родина последнего правителя Русской Америки князя Дмитрия Максудова... Первый шаг для увековечения памяти Беринга сделан — состоялось открытие памятного знака на месте высадки участников экспедиции на берегу Камы. Этот знак изготовлен на средства юных осинцев, членов кружка имени командора Беринга. Они вошли в состав инициативной группы, которая уже начала сбор материалов для музея.

Отвага и великодушие в пример потомкам.

Свою лепту для создания обещали внести и писатели, принявшие участие в торжественном открытии памятного знака. В частности Ильдар Маматов и Александр Кердан уже встретились с главой дипломатической миссии Дании в Екатеринбурге господином Питером Томсенем. Во время встречи была достигнута договоренность об участии датской стороны в проведении в следующем году экспедиции по сухопутной части маршрута Беринга, в ходе которой фонды будущего музея смогут получить новые артефакты.

Анастасия КОТЕЛЬНИКОВА

ОЗЕРСК, ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

ПЕРВАЯ КНИГА — К ЮБИЛЕЮ

Поэт Владимир Коровин представил любителям поэзии первый сборник своих стихотворений «Царевна-лебедь». Работник атомной промышленности, он всю свою сознательную жизнь писал стихи, являлся победителем городских и областных конкурсов поэзии. На представление его первого поэтического сборника сошлись товарищи по литературному объединению «Синегорье», коллеги по перу из соседнего Снежинска, а также гости из Челябинска и Екатеринбурга. Выход книги совпал с 70-летним юбилеем Коровина. Юбилера тепло поздравили председатель Челябинской областной организации Союза писателей России Анатолий Белозерцев и его заместитель Олег Павлов, выступивший редактором книги Коровина, а так же координатор АСПУр Александр Кердан. На вечеру прозвучали песни на стихи юбиляра, выступили с концертными номерами участники городской самодеятельности и члены литературного объединения Георгий Кашков, Александр Вольнцев, Александр Шубин. Подарком для собравшихся стала не только книжка Коровина, но и коллективный сборник стихов и прозы «Не ураном единым...», в который вошли произведения участников «Синегорья».

Анатолий БЕЛОЗЕРЦЕВ

ТОБОЛЬСК

ПРАВОСЛАВИЕ И СМИ

Под таким названием в Тобольске состоялся традиционный форум журналистов печатных и электронных СМИ Тюменской области. Журналисты, освещающие православную тематику, собрались на благойственной тобольской земле в десятый раз. В числе организаторов фестиваля — департамент информационной политики Тюменской области, комитет по делам национальностей Тюменской области, Тобольско-Тюменская епархия Русской Православной Церкви, администрация города Тобольска, региональная общественная организация «Союз журналистов Тюменской области», а также региональное отделение общественной организации работников СМИ «МедиаСоюз». В церемонии торжественного открытия форума приняли участие писатели Арсен Титов и Александр Кердан. Они вручили Архиепископу Тобольскому и Тюменскому Владыке Димитрию, который является к тому же членом Союза писателей России, главную награду Ассоциации писателей Урала — медаль «За служение литературе». В программе форума состоялся фестиваль колокольного звона, концерт хора Тобольской Православной Духовной Семинарии, пресс-конференция архиепископа Тобольского и Тюменского Димитрия, директора департамента информационной политики Александра Новопашина, председателя комитета по делам национальностей Тюменской области Евгения Воробьева, главы администрации Тобольска Ивана Оленберга. Участники форума побывали на обзорной экскурсии «Тобольск: прошлое, настоящее, будущее», посетили Свято-Знаменский Абалакский мужской монастырь, где стали первыми слушателями звона колокола «Православие и СМИ» с монастырской колокольни. Там же состоялся круглый стол, а на аллее перед монастырем были высажены молодые кедры. В конце форума состоялось награждение победителей конкурса на лучшее освещение жизни православной церкви в СМИ. Одну из наград получил известный писатель-краевед, президент компании ГТРК-Тюмень Анатолий Омельчук.

Анна АРЕФЬЕВА

БИЙСК

НОВЫЕ ЛАУРЕАТЫ «БЕЛУХИ»

В день 301-й годовщины основания Бийска жюри подвело итоги литературной премии «Белуха», носящей имя Георгия Дмитриевича Гребенщиков, великого русского писателя, уроженца Алтая (в тридцатых годах XX века Г.Д. Гребенщиков выдвигался на Нобелевскую премию, но отказался от соискания в пользу Ивана Алексеевича Бунина).

Лауреатом Всероссийской литературной премии «БЕЛУХА», учредителями которой являются Союз писателей России, Ассоциация писателей Урала, Администрация города Бийска и редакция альманаха «Бийский Вестник» в этом году стал журнал «Сибирские огни» (Новосибирск), в номинации «Лучший журнал 2010 года, посвященный литературе, культуре, истории, современной жизни, делам и людям Урало-Сибирского региона». Дипломантом конкурса Жюри Премии объявило Российский литературный журнал «Дальний Восток» (Хабаровск).

Глава Бийска А. В. Мосиевский и председатель городской Думы Л. Е. Громогласова вручили дипломы премии и памятные серебряные медали главному редактору «Сибирских огней» Владимиру Берязеву, заведующему отделом прозы Владимиру Попову и заведующему отделом поэзии Станиславу Михайлову. Лауреаты премии провели творческие встречи в бийской городской библиотеке им. В.М. Шукшина, а также в в сёлах Красногорское и Косиха.

Виктор БУЛАНИЧЕВ

МОСКВА

БУДЕТ ПАМЯТНИК ПОЭТУ

Литературная общественность широко отметила столетие со дня рождения выдающегося советского поэта Александра Трифоновича Твардовского. Его юбилей на время примирил даже соперничающие творческие союзы: в Смоленске на торжественном собрании, посвященном юбилею, выступили председатель СП России Валерий Ганичев и председатель Соза российских писателей Светлана Василенко.

В связи с юбилеем в столице, на набережной Тараса Шевченко вскоре появится памятник автору легендарной поэмы «Василий Теркин». Место для монумента выбрано не случайно: Александр Твардовский здесь жил, и на одном из домов на набережной уже установлена мемориальная доска.

В Смоленске уже проведены работы по благоустройству Запольного переулка, где находится музей-квартира А.Т. Твардовского: снесены аварийные деревья, приведены в порядок газоны, заасфальтированы дорожки. Отремонтирована и квартира писателя, в ней появились новые музейные экспонаты. Заканчивается реконструкция музея-усадьбы Александра Твардовского на хуторе Загорье, здесь уже оборудована стоянка для автотранспорта, полным ходом идут работы по благоустройству подъездных дорог. Сейчас решается вопрос с построенным на средства Твардовского домом культуры в Сельце. Напомним, он сгорел в начале апреля при проведении реставрационных работ. И скорее всего, сельский клуб восстанавливать не будут. 21 июня в Починке состоялось торжественное открытие бюста поэта, а на хуторе Загорье прошел литературный праздник.

В конце апреля в Смоленском историческом музее в преддверии юбилея Александра Твардовского открылась выставка «Держит фронт Василий Теркин», на которой побывало уже более тысячи посетителей. По просьбе белорусских коллег была подготовлена и передвижная экспозиция «Поэт и война», которая отправилась в Минск. После возвращения из-за границы выставка до конца года побывает во всех районах Смоленской области.

Соб. информ.

НИЖНЕВАРТОВСК

ТВОРЧЕСКИЕ ВСТРЕЧИ

В центральной городской библиотеке в рамках фестиваля искусств, труда и спорта «Самотлорские ночи» состоялась встреча сопредседателя правления Союза писателей России и координатора Ассоциации писателей Урала Александра Кердана с литераторами Нижневартовска. В непринужденной атмосфере писатели обсуждали состояние современной литературы, вопросы духовно-нравственной культуры России, поговорили об издательском деле. Александр Кердан рассказал о работе Ассоциации писателей Урала, о своем творческом пути, ответил на многочисленные вопросы участников встречи: Марины Александровой, Альбины Кузьминой, Светланы Рамазановой, Анатолия Уварова, Светланы Майоровой, Нины Лексиной, Павла Плюхина, Екатерины Володиной, Татьяны Бутник. В ходе встречи участники литературных объединений читали свои стихотворения, принимая ценные комментарии гостя. Александр Кердан также презентовал библиотеке свои новые книги стихов: «Ковчег», «Прозрачное время» и исторический роман «Крест Командора».

В этот же день в пригороде Нижневартовска — поселке Излучинске состоялся концерт солистки концертной группы Ассоциации писателей Урала, лауреата международных и всероссийских конкурсов и премий Яны Чабан. Признанная исполнительница русского романа представила свою новую программу «Две розы» и порадовала поклонников, заполнивших Дворец культуры Излучинской ГРЭС, ста-

ринными и современными романами. Восторженно встреченная публикой, певица пообещала побывать в столице Самотлора осенью этого года. В этом же заверил собравшихся и писатель Валерий Михайловский, организовавший этот замечательный концерт.

Соб. информ.

БРЯНСК

В НАЧАЛЕ БЫЛО «СЛОВО»

Делегация Союза писателей России во главе с председателем правления Союза Валерием Ганичевым посетила Брянск 2–3 июля в связи с проходящей в Брянской областной библиотеке имени Тютчева конференции, посвященной 825-летию «Слова о полку Игореве», речь шла о древних корнях Брянского края. Писатели вспоминали и своих великих предшественников, уроженцев Брянщины Алексея Толстого, Федора Тютчева. Писатели возложили цветы к памятнику воинам 50-й армии, проявившим героизм в годы Великой Отечественной войны. Затем делегация переехала на мемориальный комплекс «Партизанская поляна». Гости осмотрели музей техники под открытым небом, ознакомились с историей партизанского движения на Брянщине. После этого в епархии состоялась встреча с епископом Брянским и Севским Феофилактом.

Соб. информ.

ГЛАВНЫЙ МАРШАЛ ДЕТСТВА

К 75-летию Альберта Лиханова

⇒ ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 1

Таким военным трубачом, дающим сигнал тревоги о будущем России — о её детях, Воином, защищающим Добро и Нравственность, и представился мне Лиханов, когда я впервые увидел его на трибуне одного из писательских съездов. Мы еще не были лично знакомы, но уже тогда подкупила его честность высказываний, глубокая аргументация. Ничего казенного и нарочно для съезда написанного в его речи не было (у нас на писательских форумах даже талантливые литераторы зачастую грешат этим). Лиханов говорил внешне сдержано и горячо по сути. Говорил не только цифрами и фактами (хотя и их было достаточно), а сердцем. Я еще ничего тогда не знал ни о Детском фонде, который он возглавляет, и к стыду своему, книг его еще не прочел, но безоговорочно поверил Альберту Анатольевичу: такие люди не лгут, как не имеет права лгать командир перед боем, в который он сам и поведет своих бойцов.

После, познакомившись с Лихановым, с его делами, которые не расходились с тем, о чем он говорил на съезде, о чем писал в своих повестях и романах, я еще более укрепился в этой вере.

Альберт Анатольевич Лиханов родился в Кирове 13 сентября 1935 года. Там, на Вятке, он окончил школу и поехал в Свердловск поступать в вуз. В 1958 году окончил отделение журналистики Уральского государственного университета. Снова вернулся в Киров. Работал литературным сотрудником газеты «Кировская правда», главным редактором газеты «Комсомольское племья», потом собственным корреспондентом «Комсомольской правды» в Новосибирске.

Ещё в Кирове он пробует себя в литературе, и ему сразу сопутствует удача. Журнал «Юность» выходящий тогда двухмиллионным тиражом напечатал первый рассказ «Шагренавая кожа» (1962). Лиханов становится участником IV Всесоюзного совещания молодых писателей в семинаре Льва Кассила. Позже Альберта Анатольевича приглашают на работу в Москву, где он становится многолетним сотрудником популярного молодежного журнала «Смена» — сначала ответственным секретарём, а затем, тринадцать с лишним лет — главным редактором.

В эти же годы к нему приходит литературная известность. Одну за другой, «Юность» печатает повести Лиханова. В 1976 году он получает премию Ленинского комсомола, а в 1980 — Государственную премию РСФСР им. Н.К. Крупской. За ними следуют Международная премия им. А. М. Горького и другие награды.

Все годы своего литературного становления, Лиханов сопрягает с энергичной общественной деятельностью — избирается секретарём Союза писателей Москвы, членом Правлений Союзов писателей СССР и РСФСР, президентом Ассоциации деятелей литературы и искусства для детей и юношества Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Он не расстается со своей главной темой — миром подрастающих людей. Хотя его и называют детским писателем, Альберт Анатольевич, на мой взгляд, никог-

да не имел отношения к бодречеству пионерских и школьных повестей, нельзя его отнести и к детлитовским «смехачам» или «романтикам». Как справедливо заметил писатель Владислав Бахревский, «Альберт Анатольевич всегда умел быть современным, не поступаясь духовностью, нравственностью и, главное, не снисходя до вкусов, если это можно назвать вкусами, массового читателя». Проза Лиханова жестка, порой жестока, но ведь такова наша жизнь. Писатель, считает главным смыслом своего литературного труда — подготовку растущего человека к преодолению трудностей, которые выпадут на их долю. В наши непростые времена такой выбор писателя, с точки зрения интересов детства — более чем справедлив. Справедливость, по-моему, одно из главных качеств Альберта Анатольевича. Как уже сказано, писательское слово у него никогда не расходилось с поступками. Однажды он заметил, что стыдно сострадать детским бедам на бумаге, ничего не сделав в жизни для одоления детских бед. Сам Лиханов никогда в стороне от них не стоял.

Более того, активное и глубокое отношение к жизни многосложного детского мира позволили Альберту Анатольевичу дважды добиться поразительного успеха — пробить стену чиновничьего равнодушия: по его письмам к властям в 1985 и 1987 годах были приняты Постановления Правительства СССР о помощи детям-сиротам. В 1987 году по его инициативе создан Советский детский фонд им. В. И. Ленина, который в 1992 году преобразован в Международную ассоциацию детских фондов, а в 1991 году учреждён Российский детский фонд. Обе эти общественные организации он возглавляет и по сей день.

Всех добрых дел фонда просто не перечислить: многомиллионная мате-

риальная помощь детским домам в России и за её пределами, десятки тысяч операций, сделанных больным тяжелейшими недугами детям в российских и зарубежных клиниках, реабилитация детей, пострадавших от стихийных бедствий и терроризма, издание детских журналов и газет... Есть еще одна малоизвестная, но значимая заслуга Лиханова — до создания Детского фонда у нас в стране не было такой категории людей, как малолетние узники фашистских концлагерей. Пока правительство страны созревало для решения вопроса об их социальном статусе, Детский фонд несколько лет оказывал им материальную и моральную помощь.

А ещё Лиханов успел поработать Народным депутатом СССР и членом Верховного Совета СССР. Он выступал в Третьем Главном комитете ООН при окончательном рассмотрении проекта Конвенции о правах ребёнка, участвовал в торжественной сессии Генеральной Ассамблеи ООН при подписании этой Конвенции в качестве заместителя главы советской делегации и главное — добился ратификации Конвенции в СССР. Позже все республики бывшего СССР подтвердили законность действия Конвенции о правах ребёнка на своих территориях.

Создавая Детский фонд, А. А. Лиханов учредил Научно-исследовательский институт детства, который возглавил. Поэтому можно смело сказать, что литературные, художественные труды писателя основываются на серьёзной научной, аналитической и социальной основе. Не зря писатель избран академиком Российской академии образования и Российской академии естественных наук, почётным доктором или профессором целого ряда российских университетов и японского университета Сока (Токио). Отрадно, что и альма-матер Лиханова — Уральский государ-

ственный университет в прошлом году, пусть и с опозданием, избрал его своим почётным доктором. Когда мы говорим о таланте писателя Лиханова, нельзя умолчать о его титаническом трудолюбии. При такой общественной нагрузке просто диву даёшься, когда он успевает писать. При этом не литературные поделки, а настоящие книги. Написанный в прошлом году и подаренный мне роман «Слётки» не позволил мне оторваться от него до тех пор, пока не была перевёрнута последняя страница...

Этот роман и другие многочисленные произведения Альберта Анатольевича опубликованы в России 30-и миллионным тиражом. В 2000 году издательство «Терра» выпустило Собрание сочинений в 6 томах. В 2005 году вышла библиотека произведений писателя «Люби и помни» в 20 книгах. А в 2010 году «Терра» издаёт новое издание Собрания Сочинений в 7 томах. К нынешнему юбилею готовится так же 15 томное собрание произведений...

Это многолетнее творческое подвижничество Альберта Анатольевича снискало ему немало государственных и литературных наград: Государственная премия России, Российская премия им. А.С. Грина, премия Ленинского комсомола, Международная премия им. Януша Корчака, Международная культурная премия им. Виктора Гюго, американская премия «Оливер», японская премия «Сакура», премии — им. Н.Островского, им. Б.Полевого, Большая литературная премия России, премия Президента РФ в области образования, Всероссийская литературная премия имени Д.Н. Мамина-Сибиряка...

Альберт Анатольевич награжден многими медалями СССР, медалью К.Д. Ушинского, Н.К. Крупской, Л.Толстого, орденами «Знак Почета» и Трудового Красного Знамени, орденом «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, грузинским «Орденом Чести», украинским орденом «За заслуги», медалями Белоруссии и Армении.

В 2005 и 2007 годах Лиханов признан Человеком года в России, в 2005 — в США, в 2006 удостоен мировой медали «Freedom» — «за ежечасный и ежедневный вклад в мировую копилку добра». Кембриджский университет (Англия) включил его в список 1000 выдающихся европейцев XXI века. В 2010 году он награждён в США International Award Pace (Международной премией мира).

И всё-таки главная награда писателя — любовь его читателей, благодарность тех, кому его книги помогли лучше понять этот мир, найти себя в нём.

...Я взялся писать статью об Альберте Анатольевиче Лиханове. Запоздало спохватился, что не смогу раскрыть и малой толики поистине великих свершений этого Настоящего Человека. Писать о нём — это все равно, что солдату-фронтовику братья за мемуары о Маршале Жукове: не хватит ни знаний, ни кругозора, ни высоты дарования... Одни эмоции. Они в таком деле вряд ли помогут, но кроме эмоций мне мало что остаётся. Ими и закончу.

Живите долго, дорогой Альберт Анатольевич! Дай Вам Бог сил и здоровья продолжать Ваши поистине благородные начинания! Пусть и впредь растёт войско Ваших талантливых книг и добрых дел во благо России! А Маршальский жезл юные и повзрослевшие читатели нашего Отечества и других 33 стран, где издано более ста Ваших книг, уже давно и заслуженно Вам вручили!

Александр КЕРДАН

ПО БОЛЬШОМУ СЧЕТУ

Недавно Екатеринбургское отделение Союза писателей России на общем собрании приняло отставку своего председателя, поэта Юрия Казарина, поблагодарив его за многолетнюю работу. С его преемником, поэтом и ученым Андреем Расторгуевым, побеседовал Александр Кердан.

— Андрей, читателям «БМ» ты уже знаком как один из ее активных авторов. Но о тебе самом и твоей творческой биографии стоит рассказать подробнее...

— Родился уже 45 лет назад в Магнитогорске. В 14 лет по рекомендации Риммы Дышаленковой пришел в городское литобъединение при газете «Магнитогорский рабочий», которым руководила Нина Кондратовская. Потом, когда учился на журфаке УрГУ в Свердловске, от литературы немного отошел, хотя рифмовать время от времени не перестал.

После университета уехал за серьезной самостоятельной работой в северную Коми АССР, в Сыктывкар, где постепенно вернулся к собственно стихам — в том числе благодаря участию в литературной мастерской Надежды Мирошниченко. Там же за семнадцать лет вышли четыре поэтические книги. Кроме того, много занимался переводами финно-угорских поэтов, за что прежде всего и получил Госпремию Республики Коми.

Шесть лет назад переехал в Екатеринбург, здесь вышла еще одна книга — «Дом из неба и воды». Начинаю попадать в «святцы»: Борис Лукин включил мои стихи в первый том антологии поэтов и прозаиков поколения, рожденного между 1960 и 1970 годами, «Наше время», а Геннадий Красников — в антологию «Русская поэзия. XXI век».

Пытаюсь представить общую картину нынешнего литературного процесса и осознать собственное место в нем, стремлюсь много читать, а мысли по поводу прочитанного выкладываю в рецензии и статьи. Все это, конечно, помимо основной работы и некоторых других творческих проектов...

— Недавно ты защитил кандидатскую диссертацию по истории. Что за тема, почему именно такая, как прошла защита?

— Можно считать это одним из проектов, который продолжался 25 лет. Тема касается взаимоотношений власти и СМИ в Свердловской области в 1985–1991 годах. В перестройку — правда, на севере — я был включен в эти взаимоотношения как журналист, а в 1990-е годы наблюдал за ними со стороны власти. Теперь вот представилась возможность глубже осмыслить время и проблемы.

Защита прошла успешно, в том числе тем, что дала много материала для размышлений, совершенствования и продолжения работы. Если будет не только желание, но и возможность, попробую продолжить...

— Человек ты в жизни успешный, прошедший большую школу государственной службы, работы в коммерческих структурах и в учебных заведениях. Что вообще подвигло взяться за довольно неблагодарный удел руководителя писательской организации?

— Мне о неблагодарности этого удела говорить рано, хотя все здравомыслящие люди понимают: медом председательское место не мазано, особенно сегодня. Пока ощущаю необходимость сохранить и нарастить то, что передал

мне мой предшественник. Он и другие коллеги решили, что мне можно доверить. Я решил, что надо взять ответственность на себя.

— С какими проблемами столкнулся с первых шагов?

— Пока что пытаюсь их осмыслить и сформулировать, понять, как организация действует сейчас и что предложить на перспективу.

— В народе говорят: новая метла по-новому метет. Что нового планируешь сделать на этом посту?

— Про метлы — это к ЖКХ, у нас — люди и творчество. Свои представления о том, как нужно строить работу, у меня, безусловно, есть. Но насколько они пригодны в данном случае, время покажет. Председатель, безусловно, должен предлагать свои творческие и организационные проекты, однако не менее важно, чтобы это делали сами писатели. У нас ведь организация действительно общественная, каждый без исключения зарабатывает на жизнь отнюдь не литературой. Так что спасение утопающих... — продолжение известно.

Пока что вызревает желание попытаться консолидировать всех участников литературного процесса в регионе — от создателей книг до их распространителей. По большому счету, надо активизировать процесс создания, издания, распространения и чтения литературы в целом. Удастся ли собрать вместе писателей, издателей, продавцов и покупателей и выработать какую-то программу совместных действий — посмотрим.

— Ты всегда активно участвовал в работе Ассоциации писателей Урала, будучи вне руководящих постов. Как планируешь в новом качестве сотрудничать с нею и с коллегами из Союза российских писателей?

— Благодаря нескольким конференциям Ассоциации и проведенным ею семинарам молодых литераторов я многое узнал и понял про сегодняшнюю русскую литературу и ее создателей, живущих за пределами столицы. Именно этого я хотел, вернувшись из Коми, писательская организация которой живет довольно замкнуто, хотя сейчас тоже вошла в Ассоциацию.

Мне кажется, потенциал АСПУр очень велик и далеко не исчерпан, прежде всего в творческом отношении и осмыслении того же литературного процесса вне его региональных границ. Стало быть, надо развивать. Что касается коллег из Союза российских писателей — нам с ними делить нечего, во всяком случае, в Екатеринбурге.

— Что, на твой взгляд, сегодня представляет собой Екатеринбургское отделение Союза писателей России?

— По большому счету, мнение обо многих членах организации мне еще только предстоит составить. Это значит — читать, читать и читать. Из тех, с чьими книгами за эти годы удалось познакомиться поглубже, помимо заслуженных ветеранов могу выделить поэтов Юрия Казарина, Майю Никулину, Аркадия Застырца, Евгению Изварину, Вадима Дулепова, из прозаиков — ушедшего недавно Александра Чуманова.

«Студеный день» вышла недавно у Нины Буйносовой, от сборника к сборнику наращивает поэтический уровень Вадим Осипов.

Те же Вадимы — Осипов и Дулепов — вместе со Светланой Надь и Владимиром Блиновым «тянут» на себе самые крупные организационные проекты. Борис Долинго продолжает проводить ежегодные фестивали фантастики «Аэлита». О нас с тобой, любимых и грешных, как творцах и активистах пусть скажут другие...

В целом, мне кажется, Екатеринбургское отделение не только по количеству своих членов, но и по качеству лучших произведений — одна из самых сильных региональных организаций нашего писательского союза. Думаю, это стоит активнее проявлять и за пределами Урала. Еще одна настоятельная, на мой взгляд, потребность — наладить контакт с новым поколением литераторов, понять, кто из молодых уральцев всерьез готов продолжать и одновременно обновлять традиции русской литературы.

— Говорят трудно быть творцом и организатором одновременно. И все же руководитель писательской организации в идеале — это «играющий тренер»: каковы твои личные творческие планы?

— Для начала надо «отойти» от диссертации: все-таки наука и литература — не как гений и злодейство, но около того... Надо завершить переводы стихов народного поэта Республики Коми Альберта Ванеева и составить двухтомник его поэзии на русском языке для издания в Сыктывкаре. На пару с поэтессой Ниной Ягодинцевой, с которой мы вместе начинали в родной Магнитке, надо «добить» совместную книгу статей, рецензий и просто размышлений о русской литературе, создаваемой в российских регионах. И, наконец, подготовить рукопись новой книги стихов, хотя для ее полного «вызревания» чего-то еще не хватает — может быть, новой поэмы. Удастся ли все это сделать в 2011 году — Бог весть.

— Какова, по-твоему, роль цент-

ра в работе местных писательских организаций? Какой помощи ты ждешь от Москвы?

— Поскольку за последние пять-шесть лет я отчасти утолил голод по знанию о том, что пишут на Урале и в Сибири, теперь хочется понять, что пишут в Москве... Почти шутка. Опять же с учетом того, что зарабатывать на жизнь приходится не литературой, времени на освоение массива текстов, представленного хотя бы в интернетовском «Журнальном зале», катастрофически не хватает. Но надо пытаться — хотя бы урывками...

Что же касается центральных органов Союза писателей России — увя, об их деятельности знаю ничтожно мало. Слишком разорвано и избирательно наше информационное пространство. Пойму возможности — появятся и ожидания.

— Блиц-опрос: любимый писатель, поэт?

— Одно-двух назвать не могу — память предлагает целый список. Предпочитаю тех, в ком вижу личность, которую интересно понимать и осмыслять, которой интересно сочувствовать.

— Любимая музыка и художник?

— Что касается музыки — скорее, классика. Второй концерт Рахманинова, например, очень люблю. Одно время увлекался передвижниками, потом иконописью, импрессионистами. Сейчас интересно современное искусство — в том случае, когда рождает неожиданные яркие созвучия.

— Хобби?

— Если работой считать то, что приносит зарплату, хобби — литература. А если литературу считать работой, хобби отсутствует напрочь.

— Предпочтения в еде и отдыхе?

— Еще в детстве «подсел» на жареную картошку. А лучший отдых — наверное, разговор с умным человеком, который дает пищу для новых размышлений и открытий.

— Спасибо, Андрей, за предоставленную возможность поразмышлять. Удачи тебе на новом посту!

ТРИ ЖИЗНИ И МНОГО-МНОГО ЗАЙЦЕВ

Александр Папченко — 50!

«Вот жизнь... она ведь не одна. У каждого человека жизней несколько. Первая жизнь — это детство. Вторая жизнь — это любовь. Третья жизнь — это творчество. Поэтому и получается — у разных людей разное количество жизней. У кого-то любви не было, у кого-то с творчеством не заладилось... но Первая Жизнь по имени Детство была у каждого». Это слова Александра Папченко, детского писателя, хорошего человека. В канун юбилея с ним встретилась детская писательница Светлана Лаврова.

— Александр, а у вас сколько жизней?

— Иногда кажется, что прожита только одна настоящая жизнь — там, в детстве. А эта, очередная — вообще не моя.

— День рождения, тем более круглая дата — это грустно или весело?

— Мне — 50. Чтобы понять, как ты глуп, соберись написать что-то умное. Вот и я в таком же нелепом положении. Отягощает мое положение детская наивность — прилагательное к профессии детского писателя. Взимаешься во образ ребенка, а возвращаясь во взрослую жизнь невольно тянешь за собой наивность, веру в чудо и какую-то безумную, ни на чем не основанную веру в справедливость и изначальную разумность добра. Хорошая была первая жизнь...

— Хорошо, тогда поговорим о первой жизни — о детстве. Оно ведь было непростое, правда? Впрочем, простого детства не бывает. Потому что этот мир приспособлен для взрослых. И дети не всегда в него вписываются.

— Детство — самая замечательная часть моей жизни. Ну да, детский дом. Сейчас вся жизнь у детей детский дом. Я там был счастлив... человек счастлив, когда ему наиболее хреново, ты не замечала?

— Сборник «Мы — инкубаторские» рассказывает о детях из детдома. Он написан много лет назад. Это сегодня стало модно делать героями сирот и инвалидов, наркоманов и лиц не традиционной ориентации... а тогда о детдомах предпочитали не писать. Что для вас эта книга — воспоминания о прошлом, выполнение каких-то обязательств или просто результат хорошего знакомства с темой «изнутри»?

— Когда я прислал в мой детский дом повесть «Мы — инкубаторские», они все там обиделись. Сказали, что я их грязью облил. А я и не думал даже... я просто так жил, так было, я без обиды даже. Потому и написал, что это моя жизнь.

— Иногда бывает так: писатель хорошо знаком с какой-то средой, проблемой и пр., но писать о ней не хочет. Например, я работаю в онкологическом центре, поэтому я не пишу об онкологических больных — слишком болезненная тема (хотя сейчас стало модно «приписать» герою именно эту болезнь для остроты сюжета, что нам, людям, работающим с такими пациентами — просто обдирает душу). А для вас детдомовская тема — не такая болезненная? Вы пишете о детях из детдомов спокойно и с достоинством — без истерик, надрывов, выжимания слезы...

— Я писал об этом, потому что это была моя жизнь. Плохая ли, хорошая...

Детский дом был катализатором. И плохого, и хорошего.

— А продолжить тему не хочется? «Мы — инкубаторские» ведь уже давно написаны...

— Сейчас издал повесть «Санька — повелитель осин» — эта тема продолжается и, видимо, будет продолжаться, хотел бы я этого или нет. Не знаю зачем мне это, просто это моя жизнь.

— В ваших книгах много побегов. Герой бежит — из дома, от бандитов... что это? Симптом «бегства от себя» или просто сюжетный ход? Или любовь к Дороге?

— Я бегу от себя. Началось это в первую субботу после поступления в детский дом. Раньше-то я был вольный казак, жил на хуторе, а тут — чужой дом, темница... вот я и сбежал. Я удирал регулярно. Дорога — это было счастье, это была свобода. И до сих пор осталось ощущение: дорога — счастье, потому что ты уже отовсюду уехал, и всё уже кончилось. Но еще никуда не приехал, и ничего ещё не началось.

— Каждого детского писателя время от времени спрашивают: «Почему вы пишете для детей?» Хотя ни одного «взрослого» писателя не спрашивают, почему он пишет для взрослых. Как будто писать для взрослых — это нормально, а для детей... ну, ладно, не будем уточнять. Итак, банальный вопрос: почему для детей?

— Не такой уж банальный: потому что мне хочется быть с такими, как я сам — наивными, порядочными... И вообще приятно быть там, где все начинается и все еще можно изменить.

— Вы много лет заботитесь о библиотеке в посёлке Ямполь Сумской области. Теперь там уникальное собрание детских книг с автографами авторов, которое сделало бы честь и хорошей городской библиотеке. В сущности, вы создали там культурный центр, «пробили» музей (а это невероятно трудно в маленьком селе). Это не пиар в столице, не ме-

ценатство, о котором пишут газеты, а реальное «доброе дело», не приносящее дивидендов. Наверное, это греет душу — знать, что дети в вашем родном селе становятся лучше, добрее, умнее — и ты приложил к этому руку?

— Что такое для меня Родина? Я много думал о том, смог бы пожертвовать жизнью ради Родины и понял, что нет. В состоянии аффекта быть может, а так, с холодной трезвой головой умирать за колодец, из которого я в детстве пил воду, или за дерево, по которому я в детстве ползал, не смогу. Человек вернулся через 20 лет домой — ни дерева, ни колодца. Так что же у него исчезла Родина? Нет. Она осталась в его памяти. Там все как было — колодец, дерево, девочка, с которой впервые поцеловался... Родина — это наше детство. Эта память нашего детства, вот что такое настоящая Родина. И это быть может самое ценное, изымы которое из человека, и человек оплывёт гуттаперчиво. Может быть, за такую свою Родину я бы готов был умереть. Еще можно умереть, наверное, от оглушительного стыда, как Корчак. Если бы он не умер, как бы умер.

— А побывать там не тянет?

— Какая странная вещь происходит со мной. Один и тот же сон повторяется раз за разом. Я даже не удержался и описал его. Вот, будто я подъезжаю к Ямполью, Это такой поселок на границе с Украиной. И еще это моя Родина. Подъезжаю то на поезде, то на автобусе, то зимой, то летом. Иногда иду пешком. Подхожу по мелколесью. Взбираюсь на взгорок... И такое щемящее чувство тоски и счастья меня охватывает. Счастья, понятно почему, но тоски... Тоски — потому что я уже догадываюсь — всё равно не приеду, точнее не дойду... Иногда уже видны окраинные домики. Фигуры поселян. И я иду к ним, но по мере приближения, сон утрачивает свою обыкновенную четкость, становится расплывчатым и фрагментарным. И в конце концов я

просыпаюсь с ощущением потери, но тяжесть ее сглаживается радостью — я побывал дома, на Родине. Тогда я сажусь в кровати и курю... Про это, впрочем, как будто я уже это где-то писал, но и что с того?

— Пора перейти ко «второй жизни» — к любви. В детских книгах писать о любви умеют немногие. У вас в книгах это сделано тонко и светло — и в «Давно не пахло земляничкой», и в «Двух пригоршнях удачи». Как Вы думаете, писать детям о любви сложнее или проще, чем взрослым? Почему?

— Не могу сказать. О любви вообще тяжело писать, если не о сексе, а о любви. Мне интереснее писать о любви для детей. Потому что с какого-то момента жизни взрослого человека любовь часто уходит и заменяется другими чувствами, затеняется, что ли? Это уже не так интересно описывать.

— Третья жизнь — творчество — у вас на диво разнообразная. Мы знаем Вас как детского писателя, но начинали-то вы как «киношный человек»! Кинотехникум в Ростове-на-Дону, Свердловская киностудия, оператор, сценарист... Сценарии мультфильмов «Записки аниматора», «Ну, вот еще!», «Сказка про солдатскую дочку и волшебное пугало», сюжеты «Ералаша»... Это было полезно для Вас как для писателя? Или это «сбивало с толку»?

— Помогло чрезвычайно. Эта работа дала невероятную широту владения материалом и определенную легкость в отношениях с ним. Сначала материал, слово даже «давит», оно на пьедестале, а надо быть с материалом на «ты». Когда ты приблизишься к материалу настолько, что уже можно будет с ним работать, то результат совершенно другой получается. Получается композиционно более свободно и легко.

— Когда я читала Ваши книги, мне всегда бросалась в глаза одна особенность: вот читаю и как будто фильм смотрю. Меняются яркие кадры, светится радостными красками второй план... вот лицо героя крупным планом, а вот пошло музыкальное сопровождение... «Хоть бы кто, шишига и другие» и «Вся правда о зайцах» — это мультики. «Две пригоршни удачи» и «Жил-был принц» — это лихие боевики. «Давно не пахло земляничкой» — это светлое советское кино «про жизнь». Наверное, так получилось из-за кино-прошлого...

У Ваших книг есть одна очень симпатичная мне черта... ой, нет, в них много симпатичных мне черт, но одна особенно мила — они смешные! В наше время чернухи, изливающейся на бедных читателей, Ваши забавные, а иногда гомерически смешные произведения производят впечатление «живой воды». Один из моих любимых героев — Особонахальная Особь (из «Всей правды о зайцах»). Юмор — это для Вас сознательный особый прием или просто Вы — веселый человек?

— Нет. Но веселящийся.

— Зайцев я даже в заглавие этого интервью вставила — такие они милые и очень для Вас характерные. Читаю — как будто Ваш голос слышу. Кстати, а почему именно зайцы стали героями сборника побасенок? Конечно, про носорогов вы так убедительно не написали бы (хотя, кто Вас знает... может, носороги еще

круче получились бы). Но все-таки — почему зайцы?

— Да, я — зайчик. Но еще больше, я — Яна Сорокина. Я — очень много эта Сорокина. Можно сказать четверть меня это — Сорокина. А еще я — Колька. Неудачник и неунываха, Колька — тоже я. Циник и негодяй Клон, это, увя, тоже — я. Я — всё, чем я живу. А живу я тем, что я пишу. Еще котлетами чуть-чуть живу...

— А она напечатана — эта чудесная книжка «Вся правда о зайцах»? Или опять вечный Самиздат? Я-то ее в электронном виде читала. Вообще как у вас дела с издательствами — это большой вопрос для каждого писателя?

— Тыщу раз печатали фрагменты «Зайцев» в маленьких журналах и в сборнике, подготовленном Ассоциацией писателей Урала «Приключения Моршки», а так, чтобы отдельно в книжке — нет, не сподобился. Я — последний заяц этой страны.

— У вас много литературных наград. Лауреат Международной литературной премии Владислава Крапивина 2007 года, лауреат литературного конкурса «Мой Урал» (2007), лауреат Международного литературного конкурса «Перекресток, 2009», Германия... Премии получать приятно. Что они значат для Вас, кроме вполне понятного щеко-тания самолюбия?

— Уже ничего не значат и даже щеко-тания нет. Премия обычно без денег, так что щеко-тать нечем. Приятна премия, да... вот никто никогда не упоминает самую любимую мою награду, диплом Министерства образования Российской Федерации, Всероссийского центра художественного творчества. Это был всероссийский конкурс пьес для профессиональных театров-студий, театров, где играют дети. За мою пьесу «Шанс» дали третье место в номинации «Пьеса для драматического театра». Единственный раз Москва меня почтила. Такой был тяжелый материал, я даже болел, когда его писал, потому что выложился напроцех. Это правильно — только так и можно написать стоящую вещь. Всё удалось. Её не видит никто и нигде, эту пьесу. Но я всё сделал, что мог.

— Вы часто работаете в жюри литературных конкурсов. Вам нравится судить других писателей?

— Терпеть ненавижу. Я люблю читать то, что я сам хочу читать, а не то, что надо. Сейчас перелопачиваю тексты, присланные на очередной такой конкурс. Это тяжелая работа. Много розового и черного. Я слишком много прочел хороших книг, чтобы это мне не нравилось, и в то же время я действительно прочел слишком много хороших книг, чтобы терпеть и надеяться найти ту единственную...

— Еще один большой вопрос для каждого писателя — общественная деятельность. Потому что писательство — дело сугубо индивидуальное и порой даже индивидуалистическое, а общественная деятельность вылезает из норки. Вы состоите в Союзе российских писателей, Товариществе детских и юношеских писателей России. Скажите что-нибудь об этом.

— Всегда лучше, когда что-то объединяется, чем когда разъединяется. Детской литературе разъединяться нельзя! Сейчас знаете, что происходит? Дружными усилиями мы разметали некогда стройную конструкцию. Те-

перь это комикс. Со всем присущим комиксу ужимками. Вообще все искусство сейчас детское — взрослые фильмы и книги мало, чем отличаются от комиксов. И славно! Где бы мы набрали столько умных читателей. Современному читателю довольно грамотно прочитать упаковку на товаре, и он образован...

— 50 лет — это, конечно, не возраст и вообще практически молодость... Но традиционно принято сделать какой-нибудь вывод (не люблю слова «подвести итог», потому что итоги подводят в конце). Вы довольны этим миром, в котором прожили полвека? Вам хорошо в нём?

— Я когда был маленький, думал, что со временем всё только будет улучшаться: люди будут становиться честнее и добрее, машины надежнее и мощнее и т.д. Я был в этом так крепко убежден, что спорил до хрипоты, если какая-то сердобольная душа из лучших побуждений бросалась меня переубеждать. Мир не стал лучше. Мне удалось найти в нём место, где я могу профессионально мечтать, за что, в отдельных случаях мне еще и деньги платят. Хотя если честно, это самое глубокое разочарование моей жизни. Вы скажите; откуда берутся такие наивные ослы? Там же где и всё — в детстве. Только я в нём работаю, а мои друзья ушли...

— Какое-то грустное интервью получилось. Давайте под конец что-нибудь светлое скажем, ведь у нас праздник, Ваш день рождения. Про счастье что-нибудь...

— Была середина июня. Мне исполнилось лет пять. Я жил в детском доме провинциального городка Ахтырка. Был вечер. Воспитатели уложили нас спать, а я захотел по маленькому. Мне разрешили. И я пошел. Туалет находился во дворе. В эту пору июня темнеет поздно. Было тепло. Буйно цвела сирень. Я спустился с крыльца и медленно пошел через двор. Было очень тихо и непривычно пусто. Днём ведь здесь стоял гвалт и вопли детдомовцев. И вот тишина. И я один. Никто меня не подгоняет, не торопит, и я впервые смотрю вокруг чрезвычайно внимательно. В этой торжественной тишине, путаясь в цветистых разводах облаков, медленно опускалось за горизонт большое солнце, и сильно пахло сиренью и влажной травой, и ещё, ещё, ещё, ещё чем-то. И запахи были такими густыми, что казались осязаемыми. Будто вода...

Назад я шел ещё медленнее. Плыл в запахах. И неожиданно стал счастливым. Это чувство разлилось во мне. Там, внутри у меня стало торжественно и покойно. И радостно. Будто я отъединился от этого сиреневого мира, с его палевым закатом, перестал быть частью его, а стал только собой — мальчиком. Стал мальчиком, который может и видеть и слышать всю эту красоту, из которой он только что вышел. Изнутри увидеть мир нельзя. И знаете, сейчас, тоже так тихо, что хочется думать шепотом. Впрочем, это, кажется, я тоже когда-то уже писал. Вот в чем беда. Или радость.

От редакции:

Редколлегия «Большой медведицы» поздравляет Александра Ивановича Папченко с юбилеем! Желаем здоровья, удачи и новых книг!

ДВУКРЫЛАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

Новую рубрику «Образование» открывает полемическая статья выпускника филологического факультета УрГУ, молодого критика **Константина КОМАРОВА**

Вряд ли кто-то будет спорить, что в сфере современного образования хватает острых проблем. Они существуют на всех уровнях образования, а эффективность их решения часто оставляет желать лучшего.

Разговор о ложной эффективности ЕГЭ уже набил оскомину. Нежизнеспособность ЕГЭ очевидна, но никаких подвижек не происходит. Недавно введенная в ВУЗах балльно-рейтинговая система также не приводит к ощутимому повышению качества образования, а подчас и затрудняет работу специалистов.

Чтобы долго не рассуждать об общих проблемах, касающихся системы образования в целом, сосредоточусь на частной области, являющейся моей специальностью и потому наиболее близкой мне — на филологическом образовании.

Как известно, филология включает в себя две области — лингвистику и литературоведение. Обе они, так или иначе, изучают слово и язык, но эта общность при наличии множества глубинных и принципиальных различий является весьма условной и внешней. На сегодняшний день объединение лингвистики и литературоведения кажется мне формальным и гораздо более относительным, чем это может показаться на первый взгляд. Это две самостоятельных науки. Они подразумевают совершенно разную методологию и, что кажется мне особенно важным, — требуют различного строя мышления и сознания ученого и ученика. Лингвистика сегодня активно использует методы точных наук, в частности математики, стремясь к достижению более наглядных и объективных результатов. В связи с этим модифицируются и формы работы, создаются лингвистические лаборатории (например, лаборатория компьютерной лексикографии в УрГУ) и т.п. Лингвисты активно работают в областях, связанных с компьютерными технологиями.

Литературоведение, напротив, наука сугубо гуманитарная. Даже вокруг научного ее статуса постоянно вспыхивают оживленные споры, что сложно представить в отношении лингвистики, научность которой не подвергается никаким сомнениям. Литературоведение находится, на мой взгляд, на стыке науки и искусства, и все-таки с небольшим, но значимым уклоном в сторону науки, поэтому мы и называем ее наукой. Оно предполагает свободное интерпретационное мышление и куда теснее связано с «чистой гуманитаристикой», чем лингвистика. Исследуя индивидуально-авторские художественные миры, литературоведение всегда подразумевает определенную степень субъективности исследователя. Размытость границ и бесконечный спектр возможных ассоциаций, сопоставлений и интерпретаций определяют глубину и пластичность литературоведческого анализа. Процесс исследования литературы и, в частности, поэзии органичен природе самого исследуемого материала — изменчивой и непредсказуемой, наиболее полно определимой

словами Марины Цветаевой: «Поэт издали заводит речь, / поэт далеко заводит речь».

Подобные различия между лингвистикой и литературоведением — науками, имеющими различную природу и базовые исследовательские предпосылки — можно находить и далее, но, думаю, общая мысль ясна. Это не значит, что мои выкладки имеют абсолютный характер. И в литературоведении и в лингвистике существуют сферы более и менее строгие, обычно это зависит от их практической либо теоретической направленности. Так, этимология гораздо «свободней» лексикографии, а история литературы — теории литературы. Я говорю, в первую очередь, об общих принципах, имеющих знаковый характер для формирования «лица» той и другой науки.

Существование под «общим крылом» филологии не позволяет литературоведению и лингвистике полноценно реализовывать себя как самостоятельные разделы знания. Я ни в коем случае не утверждаю, что эти науки замкнуты сами на себя и герметичны, такое их существование практически невозможно. Взаимное использование достижений и наработок естественно и необходимо, особенно при учете современной тенденции к более тесному взаимодействию наук, возникновению новых наук на стыке двух или нескольких уже существующих. Однако высшее филологическое образование, как мне кажется, должно более четко дифференцировать лингвистику и литературоведение, и в первую очередь — при составлении учебного плана, выборе курсов, распределении часов.

Сошлюсь на личный опыт, который и стал отправной точкой для этих размышлений. Мне всегда представлялось несколько странным, что учебная программа литературоведов отличается от программы лингвистов одним-двумя спецкурсами (не считая, конечно, курсовых и дипломной работ, имеющих узкоспециальный характер), в то время как подавляющее большинство курсов являются общеобязательными. Заметная дифференциация лингвистических и литературоведческих курсов происходит только в магистратуре. Не логичней ли было бы оставить литературоведам фундаментальный, курс «Современный русский язык» и курс общего языкознания, а литературоведам столь же базовый курс «История русской литературы»; остальные же лингвистические курсы оставить лингвистам, а литературоведческие, соответственно, литературоведам? Мне и многим моим однокурсникам-литературоведам очень не хватало, например, практических занятий по зарубежной литературе, не предусмотренных на русском отделении филфака. И далеко не только их: диапазон специальных литературоведческих знаний и навыков мог бы быть существенно расширен за счет сокращения лингвистических курсов.

Кроме того, множество лингвистических предметов (старославянский язык, история русского языка и т.д.)

ОКОНЧАНИЕ НА СТРАНИЦЕ 8 ➔

ДВУКРЫЛАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

⇒ ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТРАНИЦЕ 7

после благополучной сдачи экзамена практически полностью испарялись из моей памяти, мое «литературоведчески» ориентированное сознание их никак не актуализировало, в то время как материал большинства литературоведческих курсов я помню досконально. Это при том, что качество преподавания лингвистики у нас всегда было высочайшим, курсы эти читали преподаватели, в профессионализме которых не может возникнуть никакого сомнения. Но, повторюсь, материал этот специфичен и предназначен для предрасположенного к нему сознания и, возможно, даже типа личности. Может быть, это проблема моего индивидуального восприятия и большинство все курсы кажутся одинаково нужными и полезными. Но всё же я в этом сомневаюсь.

Взаимообусловленность литературоведения и лингвистики несомненна. Но это недостаточное основание для такого характера их объединения, что существует сейчас на филологических факультетах вузов. Литературоведение, с моей точки зрения, гораздо ближе, например, к философии, нежели к лингвистике, но никому ведь не может прийти в голову объединить их в рамках одной науки и одного факультета.

Все большее обособление литературоведения и лингвистики друг от друга сегодня очевидно, и не замечать его нельзя. Игнорировать этот факт — значит не успевать за тенденциями развития современной науки, а это грозит стагнацией научного (и шире — культурного, ведь речь идет о языке и слове) развития страны. Эту опасность нельзя недооценивать.

Частыми стали баталии между литературоведами и лингвистами, обнажающие глубокие различия самих систем взглядов и подходов, формируемых каждой из этих наук. Попытки «примирения» часто выглядят недостаточно аргументированными. Одну из самых серьезных таких попыток предпринял в свое время Олег Николаевич Трубаев, говоривший о том, что филолог, не будучи одинаково подкован и в языкознании и в литературоведении, не сможет осуществить такую необходимую работу, как исторический комментарий к художественному тексту. Мне эта позиция кажется устаревающей: историческим комментированием занимается небольшая часть филологов, обладающих рядом специальных знаний и умений именно в этой узкой сфере. Такие области общего филологического знания (скажем прямо, их не так много), где лингвистика и литературоведение действительно неотделимы друг от друга, можно преподавать отдельными спецкурсами, которые могут иметь факультативный характер. И вообще, литературовед при необходимости всегда добудет те лингвистические знания, которые ему могут понадобиться в его собственной работе, и искать он их будет с учетом конкретной поставленной задачи. Вышеупомянутый курс «Современный русский язык» — более чем достаточное подспорье для того, чтобы ориентироваться в мире лингвистики.

Моя позиция конечно, уязвима и не бесспорна. Одной из самых серьезных

может быть претензия такого рода: классический университет подразумевает универсальное образование, филфак университета должен готовить специалиста-филолога широкого профиля. Только, думается мне, эта установка остается в теории. Один мой знакомый, замечательный человек, кандидат филологических наук, идеально разбирается в своей узкоспециальной области, в материале своей диссертации (комбинаторная поэзия 20 века), но в разговоре со мной с трудом вспомнил, кто такой Франц Кафка, а о Джойсе, как выяснилось, вообще слышал мельком. И подобный случай — далеко не единственный.

Мне кажется, что обилие лингвистических познаний больше распыляет и размывает литературоведческие знания, чем концентрирует общепилологические. Верно и обратное: лингвисты, скорее всего, тоже могли бы обойтись без ряда литературоведческих дисциплин в пользу расширения и углубления их специальных знаний.

Кратко резюмирую сказанное. Прежде всего, это — мое субъективное мнение, которое я никому не навязываю. Я вполне допускаю, что не учитываю нескольких важных нюансов, в свете которых моя идея выглядит малоосуществимой. Но должен сказать, что эти мысли появились у меня не вчера, а преследуют меня с самого начала обучения и до сих пор (а ныне я уже магистрант второго курса), и обусловлены они, в первую очередь, личным опытом. Отнюдь не являясь сухой теорией, они ориентированы на практический выход. Мне кажется, что более четкое разделение лингвистики и литературоведения в рамках обучения студента на филологическом факультете ВУЗа (бакалавриат и специалитет)¹ позволит оптимизировать учебный процесс, сделать его более эффективным и продуктивным, не нанося ущерба пресловутому универсализму, который, кстати, зависит от целого ряда факторов (от индивидуальности студента, склонности к самообразованию и т.д.). Возможно, что создание отдельных «лингвистического» и «литературоведческого» факультетов — идея утопическая, но более отчетливо дифференцировать лингвистику и литературоведение в рамках филологического факультета возможно. И тогда изменения будут внесены исключительно в учебный план (разработка новых специальных курсов, перераспределение часов и т.д.) без серьезных организационно-структурных пертурбаций.

Я убежден, что тогда в выигрыше останутся все.

Филологию часто сравнивают с птицей, одно крыло которой — лингвистика, другое — литературоведение. Удачное сравнение. Только вот летит эта птица, на мой взгляд, как-то неуверенно и низко... Потому что крылья не сбалансированы и сбивают ее в разные стороны. Почему бы в необъятное небо познания не взмыть двум одинаково сильным и красивым птицам, которые могут при необходимости переговариваться, но полет которых все-таки будет самостоятельным?

¹ Подчеркиваю, что я говорю об этом именно в аспекте учебного процесса, а не деятельности филологического научного сообщества, о которой с заявленной точкой зрения надо говорить отдельно.

Юрий Бриль ПРИГЛАШЕНИЕ НА УЖИН

Был конец января, и была весна. И был я.

Я достиг наконец пределов Негева. Я стоял в центре пустыни, на краю самой большой ямы на Земле, кратера древнего вулкана Махтеш Рамон (40 км вдоль, 8 км поперек, 0,3 км вглубь). Ахнул и застыл в изумлении, не в силах враз окинуть взглядом и отразить. Внизу, в этой природной циклопической котловине, среди желтой накипи песка и камня дремали похожие на кошачью семейку черные, отлитые вулканом лавовые горы, струились овраги, по которым росли тамариски и копны пустынных колючек. Отвесные стены котловины являли собой различающиеся цветом геологические ступени, от белых меловых и светло-охристых до поджаренных жаркой лавой красных и темно-коричневых. Спуститься вниз, пощупать их — значит открутить время на двести миллионов лет. Восходящее солнце ломало восточную стенку кратера, со дна поднимался пар — казалось, и сегодня, прямо сейчас, при мне, с моим непосредственным даже участием, варилось время, творилась история Земли. А в сущности, возраст Земли и возраст человечества несоизмеримы: даже из этих трехсот метров глубины истории, в которую я заглядывал, человеческая биография — лишь тонкий гумус в несколько сантиметров, моя же биографическая составляющая и вовсе ничтожна. Однако в единении с этим вечным эволюционным процессом я захлебывался глуповатым, пенящимся через край души восторгом. Надо заметить, я уже испытывал похожие вершинные переживания: заглянул однажды в жерло Авачинского вулкана, увидел дымящиеся фуммаролы, вдохнул сернистый газ... Сейчас думаю, может, и не надо делать подобных движений — зрелище сильнейшее и потому небезопасное, но тогда я возгордился, сочтя, что прошел посвящение, приобрел к некоей глубинной тайне и отныне мое сознание и сознание Земли неразделимо связаны.

И вот сейчас с этой новой вершины я увидел себя снова молодым и полным сил и даже не помнил о своей болезни. Несмотря на ночь, проведенную в автобусе, я был бодр и весел, мускулы наполнились сладкой истомой, предвкушающей физическую радость шагать налегке. Передо мной снова открывалась дорога к новым сияющим вершинам. И я забыл о дворнике, разговор с которым оставил меня в некотором недоумении.

Вечером я выехал из Хайфы, добрался до Эйлата, там перепрыгнул на другой автобус и прибыл в Мицпе Рамон. Так, делая крюк, мне было удобнее добраться до исходной точки моего маршрута.

Улицы городка были пустынные, только дворник помахивал метлой, что имело скорее ритуальный, чем практический смысл — розовые пластиковые прутья метлы шоркали по белому камню мостовой, которая и без того блестела и светилась чистотой.

— Вы говорите по-русски?

— А как же! — воскликнул дворник,

как будто ждал этого вопроса двадцать лет.

Я и не надеялся, что встречу здесь русскоязычного, хотя ничего сверхъестественного в нашей встрече не было — кому-то надо мести улицы, и почему не выйдцам из СССР?

— Скажите, коллега, как пройти на Махтеш Рамон?

— А вы тоже дворник?

— Ну да, в том смысле, что я за чистоту...

— А что, я не жалею. Двадцать лет на одном месте, зарплата четыре с половиной тысячи шекелей — могу позволить себе...

Собственно говоря, я лишь хотел сорентироваться, однако пришлось выслушать его историю. Дворник проникся ко мне еще больше, когда обратил внимание на мои ботинки.

— Суперские. У меня такие же.

Действительно, у нас были одинаковые ботинки.

— Брат прислал из Германии.

— А мне друг подарил, когда я посетил у него Херфорде.

— Эти у меня уже вторые. Одни такие гиены сожрали.

— Так и сожрали?

— Так и сожрали. Пять лет носил и нахваливал. Когда брат прислал новые, старые я отнес на помойку, положил на паребрик, рядом с контейнером, — думаю, может, кому нужны. Как сейчас помню, там еще лежали лепешки и булочки, тоже благотворительные. В воскресенье утром как обычно беру метлу и начинаю мести. Вижу, эта сволочь, гиена, жрет мои ботинки.

— Не нашла ничего более съедобного?

— Обратил внимание, как у нас тихо? — кошка не мяукнет, собака не залает. Где, спрашивается, животные?.. — Он многозначительно помолчал. — То-то же! Детей выпускать на улицу опасно. Зашугали народ. В одиночку никто не выходил. Неделю террор — хуже фундаменталистов! А потом исчезли. Представь, прямо на глазах у меня жрет мои ботинки. Ну не наглость ли?! Я ей в харю черенком метлы, а она — хрумс! — и откусила кончик, ровно как бритвой срезала. Смотри! — Метла и вправду была коротковата. — Потом вижу, из-за другой помойки еще две сволочи выскакивают, в зубах благотворительные лепешки — я их...

Прервав его бредовое красноречие, я повторил вопрос.

— Зачем тебе туда? — строго спросил он.

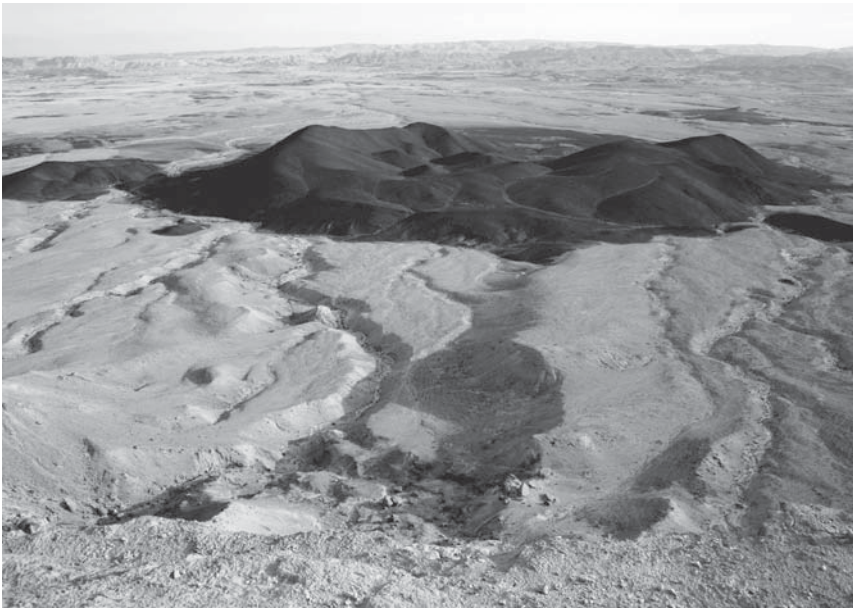
— Надо! — сказал я. Этот дворник начинал меня раздражать. Какое ему, собственно говоря, дело?

— Не надо! — сказал он.

Мне даже смешно стало от такого странного разговора. Ему лучше знать, что мне надо, а что нет. Вероятно, в советском прошлом он был начальником, на что намекала и его шляпа времен застоя, что вызывающе диссонировала с его рабочей формой. Ладно, я и сам соображу, куда. Уже сообразил.

— Топай в сторону заправки, затем возьми правее, — крикнул он мне вслед. — Только потом не говори, что я тебя туда направил.

«Мицпе» по-русски значит обзорная площадка. В самом названии городку

определялось быть приложением к яме, пусть даже самой большой в мире. По нашим масштабам две тысячи населения — это скромный поселок. Тут — город. Первые поселенцы были не в пример амбициозны и вознамерились центр пустыни превратить в центр туризма. Для привлечения празднующихся построить казино, сделать Мицпе Рамон маленьким богатым Монте Карло. Надежды не оправдались: казино не разрешили — туристы сквозили мимо, предпочитая приморский Эйлат с его легким и веселым нравом. Энтузиасты сникли: город без рулетки обречен на прозябание. Кстати, казино есть в Эйлате. И это несмотря на существующий в стране запрет игорных заведений. Еврейские мудрецы устроили казино на корабле. Отплыл кораблик в нейтральные воды, — а там уже законы государства не действуют — оттягивайся, крути рулетку до последнего шекеля.

В свое время я отдал дань азартным играм, а теперь, как и полагается на склоне лет, искал совсем иное, и наверно, подобных мне паломников было бы здесь предостаточно, если бы они знали что именно здесь, в настоящей тысячелетиями пустоте и безмолвии звучало Слово Божье. Мало кому известно, что именно здесь, а не в Египте находится истинный Синай. Увидите тропинку, идущую влево от кратера, ступайте по ней и придете на плато Карнак. Вот место, где Господь вручил Моисею скрижали. Я это знаю от итальянца Эмануэле Анати. И это подтверждает Библия, его археологические находки, описаны в ней. К примеру, жертвенник. Как раз о таком говорил Господь Моисею — сделанном из необработанного камня. А рисунки на камнях — их более четырех тысяч на плато Карнак — красочно проиллюстрировали Святое Писание и жизнь переселенцев. На одном из камней значится имя Бога, из чего следует, что народ, написавший его, говорил на иврите.

Не всегда, стало быть, центр Негева был так безлюден. В Ветхом Завете указывается число переселенцев: 600 тысяч. Имеются в виду только мужчины. Прибавьте сюда женщин и детей. Да, когда-то здесь бурно кипела жизнь. Такая судьба: быть Богом выделенным и Богом забытым местом.

Дальше — больше: когда я мысленно открутил еще некоторое время назад, городок в центре пустыни мне представлялся морским и портовым. Дело в том, что в ямнице, к которой он приткнулся, да и вокруг нее на многие мили, лет эдак миллионов двести назад

плескался океан. Поэтому место, с которого я начал свое путешествие, условно называю «порт». Поначалу, уже в новой эре, в двадцатом столетии, когда еще кипел энтузиазм, первооткрыватели разбили здесь сад камней, напоминающий Стоун Хедж. Я погулял среди этих вполне неолитических конструкторов, пощупал тут и там натканые железные и порядком уже поржавевшие артефакты: типа поющих под ветром свирелей, цветных гирлянд. Свирели молчали, лампочки не включались... Меченые краской камни еще напоминали, что здесь начинается туристская тропа. Малозаметная, не притоптанная и по всему видно, необитаемая... Да и слава богу, что так. Я и хотел прогуляться в одиночестве. И сейчас, когда меня просто распырило от нетерпения выдвигаться подальше от городка, я высокомерно подумал, что в меченых камешках не нуждаюсь. Ведь это было и было со мной: шел и даже и не думал о направлении. Шатался, как лось, по лесам — и всегда выходил туда, куда намечал. Но однажды — и это тоже было со мной — испугался... Обернулся — кругом болото, воды по грудь, а я не знаю, куда идти. Красный шар солнца коснулся болотины, вошел в нее и был немедленно поглощен ею, вспорхнул черный аист, ночь, я поставил на голову рюкзак, набитый под завязку голубиной, шагнул — вода до подбородка, еще шагнул... Господь вывел, а я на долгие годы потерял, что называется, нюх и стал предельно осторожным. Мне казалось, сейчас Махтеш Рамон вернул мне тот счастливый дар: беспечно, не оборачиваясь, шагать по миру. Я забыл о своем увечье и наслаждался тем, что могу еще дышать полной грудью, могу еще видеть и слышать, могу шагать, сколько хочу, и мне будут открываться все новые и новые дали. Дышалось легко, солнце особенно не донимало. Доставая из рюкзака коробку с гранатовым соком, прихлебывал время от времени.

Был конец января, и обычно серая пустыня с избытком впитавшая дожди, оживилась бледно-сиреневым цветением. Цвел журавельник, невзрачная колючка атрактилис украсилась зелеными листьями и фиолетовыми палочками.

Тропа опасливо топталась у края впадины, порой приближалась к самому обрыву, порой огибала гору, удаляясь от нее на значительное расстояние. Когда мне казалось, что крик неоправданно большой, срезал путь, шел краем пропасти, заглядывая в нее. На животе у меня болтался Сапон, его память

была предварительно вычищена, и я щелкал кадры без счета. Вдали сквозь туманную дымку я увидел каменный мыс, вдающийся в котловину — удобный ракурс, чтобы сделать снимок самой большой и наиболее впечатляющей черной горы семейства кошачьих.

Снова попался на глаза меченый камень, напомнивший, что я далеко не первооткрыватель, а чуть дальше — еще один, уже вполне сказочный, с тремя нацарапанными стрелками: налево пойдешь — в Авдад придешь, прямо пойдешь — в Махтеш Рамон попадешь, направо... Направо стрелка перечеркнута. Действительно, путь направо, то есть вниз, на дно котловины, был закрыт. Для наглядности тропу направо-вниз перегораживала когда-то красная, теперь выгоревшая на солнце и ставшая серой ленточка, привязанная к двум ржавым штырям. Конечно же, у меня в плане было спуститься вниз, но кажется, я окарался: спуск Михмаль значительно восточнее, спуск для джипов Маале Ноах тоже далековат. Этот же, устроенный для туристов, давно обветшал и пришел в негодность. Кое-где ветшал и пришел в негодность. Кое-где ветшал и пришел в негодность. Чистый сюр: от одной к другой можно было пройти только со специальным снаряжением.

Меньше всего мне хотелось поворачивать на Авдад. Спору нет, древние набатеи — народ загадочный. Мало что о нем известно: бедуинское племя, сказочно разбогатевшее на торговле. Именно здесь проходила тропа, по которой нагруженные пряностями верблюды тащились из Петро через Беэршеву в Древний Рим. Богатство набатеев вызывало зависть у многих народов, но даже римлянам не удалось их завоевать. В сущности, я пресытился развалинами, к тому же вполне очевидно: то, что я увижу здесь, не сравнится с Петро. Вырубленный в розовом камне город — и есть самое настоящее чудо света. Нет, набатеи — это была другая тема, другое путешествие. Все же я поперся на Авдад. Пригляделся — показалось, уже вижу развалины. Сбегаю — полкилометра не крюк. Но это был не Авдад и не развалины — просто гора, сложенная природой из отдельных камней. Тем не менее я продолжил идти путем набатеев, итога свои жизненные неудачи тем, что всегда отвлекался от главного. Тропа набатеев была достаточно однообразной, а вскоре и вовсе приблизилась вплотную к дороге на Беэршеву и довольно долго и утомительно тащилась вдоль нее. Убив три часа, я достиг места, которое наглядно демонстрировало умение набатеев накапливать в пустыне воду. Осмотрел канавки на косогоре, по которым стекала дождевая вода, полюбовался накопленным озерком, в центре которого блаженствовал тамариск. Сидя на камне, попивая гранатовый сок, думал о том: что мне набатеи? И что тем более я набатеям?

Солнце было еще высоко, когда я снова оказался у развилки. Рассчитывая на ужин в гостинице и мягкую постель, следовало бы прямо сейчас повернуть назад. Я был не готов к этому: еще не надышался, не нагляделся на пустыню. Только сейчас я, как мне кажется, стал ее понимать, и потому она стала мне интересной. В юности больше тянуло горы, потом леса, тундра... А в сущности, сейчас мы очень похожи. После того, как мне поставили диагноз, который плохо совмещался с жизнью, и врачи провели курс лучевой терапии,

мое нутро напоминало выжженную пустыню.

Мне было все еще хорошо, но я уже не витал под облаками, опустившись на землю, реально топал по камням, и в ногах чувствовал досадное неудобство. Надо сказать, я плохо подготовился к походу. Вернее, совсем не готовился. Носки, к примеру, надел первые попавшиеся, а не те, что у меня были специально предусмотрены под мои суперские ботинки. Прошел не больше двадцати километров, а уже набил мозоли. Еды и воды взял только на день, и теперь следовало быть экономным: я уже не пил вдоволь, а только смачивал растрескавшиеся губы, делал маленький глоток. Шагал безостановочно, навостывая потерянное на тропе набатеев время. И между прочим, по привычке бродяги приглядывал местечко для ночлега. Поставить палатку на камнях мало радости. Негев — пустыня еще не старая, нужны миллионы лет, чтобы горы и камни разрушились, размельчились до песка. Наблюдая этот инволюционный процесс воочию, я видел результат: шелковый песочек уже присутствовал в оврагах, низинках, но там еще держалась влага недавнего дождя — на мокром месте ставить палатку опять же не дело. По правую сторону от тропы, у самого края впадины, я приглядел пещеру, небольшую, но построенную природой с большим вкусом и изяществом — образец индийских храмов, украшенный резьбой по камню от макушки до подножия. Я подумал, великий Рашиби прожил в пещере семь лет — ночь-то как-нибудь перекантуюсь. Наскоро обследовав пещеру, я обнаружил за камнем у входа скрепиона. Отломав ветку тамариска, я с ее помощью выгнал постояльца. Чую ветку, он подтягивался, хватал клешней — в это время я тащил его прочь из пещеры. Потом он отцеплялся, и я снова совал ему ветку. Устраиваться на ночлег казалось преждевременным, манившая черная гора все еще не была снята с намеченной точки. А когда я еще выберусь в Негев, чтобы пройти дорогами древности, где Моисей вел свой народ и разговаривал с Господом? Пустынные пространства и абсолютное безмолвие казались неправдоподобными, не вязались с картинами моего восплавленного воображения.

Ночь на пустыню Негев опускается враз; как в театре, дается синий занавес, аляповато расшитый луной и звездами, — и никаких промежуточных сумерек. Взглянув на солнце и узрев появившуюся на небосклоне луну, я наконец сообразил, что день на исходе. Если даже поверну прямо сейчас, все равно до поселка не дойду и придется ночевать в пустыне. Обратный путь займет никак не меньше ночи. А если учесть, что я набил мозоли и едва передвигал ноги, то располагаться к ночлегу надо было немедленно. Однако тропа делала заманчивую петлю, арканила гору — еще усилие, подтянуться, приподняться — и сделать кадр уже с другой, гораздо более высокой точки. Я сделал заветный кадр с «Мыса Каменного», как я нарек эту открытую мной мицпе, а меня все равно тянуло дальше, уже рукой подать до северного обрыва котловины. Было бы интересно пройти восемь километров поперек, найти место, где можно спуститься вниз, чтобы... О черт!.. — запнулся о камень. На ногах устоял, но от резкого движения в правой руке молнией полосну-

Юрий Бриль ПРИГЛАШЕНИЕ НА УЖИН

⇒ ПРОДОЛЖЕНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 9
ла боль, да так, что в глазах потемнело — перед самым отъездом вдоволь намахался колуном на даче, готовя на зиму дрова, и что-то в плече основательно повредил — сигнал оказался достаточно вразумительным, чтобы остановиться, повернуть наконец назад.

Теперь я ступал осторожно, ставя ноги на подушки вздувшихся мозолей. Пустоватый рюкзак напоминал о себе нудной болью в плечах, пошатывало от усталости. Тропа, едва приметная днем, стала и вовсе неразличима. Вряд ли мне грозило потеряться в пустыне: слева ограничивала сама впадина, следовало идти краем и не слишком удаляться от нее, хотя тут было гораздо больше камней. Ночь выдалась на удивление светлой: зависла где-то над Мицпе Рамоном полная луна, слабо на синем небе искрились звезды.

Заметно похолодало, ветер усилился. Я все еще вглядывался в пустыню, стараясь запомнить, впитать увиденное, — и вдруг она глянула на меня. И взгляд этот был глубоким, пронизывающим до самого дна души. Стыло и неприятно. Невнятная тревога заставила обернуться — уже спиной, до мурашек на коже, ощутил присутствие какой-то враждебной силы... Обернулся и увидел мерцавшие из глубины пустыни фары. Гиены, их было четверо, двигались цепью. Кажется, они не торопились, перебирали лапами немногим быстрее меня, хотя известно, могут бегать со скоростью 60 км в час. Будь я даже в хорошей спортивной форме, драпать от них не имело смысла. Думаю, они подметили, в каком я состоянии. Забавно было, наверно, смотреть на мою походку командора со стороны: ноги поднимал высоко, ставил их махом на всю ступню. Я заставил себя выпрямиться, подтянул повыше рюкзак, попытался идти ровно. Они могли настигнуть меня в считанные минуты, но выжидали, понимая и то, что помощи мне ждать неоткуда, а сил, конечно, не прибавится.

Как же я чудовищно устал! Сколько-то прошел, позволивительно устать, но тяжесть, что я тащил, была совершенно непомерной, будто навалилась вся накопившаяся по жизни усталость. Благо разумнее было признать, что я уже не тот, изменить привычки. Напротив, я источал бессильную ярость на свои ослабевшие ноги, на висевшую плетью руку, на все отказывающееся повиноваться тело. Подлое предательство. Не жалко, поделом... Я разошелся настолько, что считал заслуженным — мое жалкое тело, этого предавшего меня раба, скормить вечно голодным тварям.

Расстояние между нами сократилось, гиены забирали справа, прижимая меня к пропасти. Не глупые звери. Одна из них, самая крупная, бандерша, как я определил, глянула в упор, подняла голову к луне, хрюкнула, закричала, как рассмеялась: «Ия-хо-хо-ха-ха!» И другие вторили ей. Дети сатаны понимали свое превосходство. Я остановился — остановились и они. Достал коробку с соком, отхлебнул... пошел, стараясь ступать твердо, идти прямо, чтобы вражье отродье не заподозрило, что силы мои на исходе. Теперь я их мог рассмотреть более отчетливо: один звереныш поменьше, подросток — его я окрестил Скинхед — и три взрослых особи. Круглые пегие уши настороже, черные морды вниз, наизготовку; тяну-

ли носами надземный слой воздуха, будто искали на голой скальной поверхности какую-нибудь заслуживающую внимания съедобину. На минуту я даже как-то успокоился: у них своя жизнь, свои заморочки, прутся куда-то своим маршрутом, и до меня им нет никакого дела. Однако прижимали, приходилось забирать левее — пропасть неизбежно приближалась. Я убыстрил шаги. Начали вырисовываться очертания пещеры, мимо которой проходил вечером. Я помнил о пещере, но полагал, что она гораздо дальше. До нее оставалось метров пятьдесят, рванул и уже был у входа, когда бандитская семейка приблизилась ко мне вплотную. Я видел раскрытые горячие пасти, из которых шел пар. Скинхед, изнемогая от бешенства, скреб передними лапами землю, рыча, захлебываясь пеной, еще мгновение... прыгнет. Нажал на спуск Сапон, надеясь, что вспышка напугает зверей. Вспышка уже неделю как барахла, только мерцала, сияла вспышкой. Затвор в этом случае не срабатывал, но мерцание было довольно продолжительным. Вспышка замерцала как-то особенно ярко — агрессивный подросток вжался в землю, остальные метнулись назад, остановились на почтительном расстоянии. Нацеливаясь на молодого отморозка, я продолжал жать на спуск, и он тоже нехотя ретировался, догнал своих бандитствующих сородичей. Тотчас я принялся таскать камни, забрасывал их внутрь, чтобы как следует замуровать сына. Не забывал о предосторожности — под каждым камнем могла прятаться змея, но змеи, видимо, отправились по своим змеиным делам. Ночь — их время. Однако у самого входа я чуть не наступил на скорпиона. Скорее, это был мой старый знакомый, он упорно считал пещеру своей недвижимостью. Я подобрал ветку тамариска, которой уже воспользовался ранее, и теперь уже бесцеремонно, выдворил незадачливого собственника за порог. Скорее всего это был генерис, палестинский скорпион, один из немногих среди полутора тысяч видов, по-настоящему ядовитый, однако когда он шлепнулся на камень, поддетый веткой, мне стало как-то неловко перед ним.

С лихорадочной быстротой набросал в пещеру камней и уже катил последнюю основательную глыбу, как они снова объявились. Кажется, их стало больше. Да, подтянулось подкрепление. Семеро. Они расположились метрах в десяти полукругом. Я снова нажал на спуск Сапон, вспышка замерцала не сразу, да уже и не так ярко, как раньше, — батарея на исходе. И реакция гиен оказалась не такой пугливой — чуть сгорбились, поджали хвосты, но не двинулись с места. Продолжая строчить вспышкой, я докатил глыбину, влез в пещеру. Вспышка погасла окончательно. Тотчас как по команде они ринулись за мной. Впереди безбашенный Скинхед. Я уже сидел за воздвигнутой мною баррикадой. Брошенный левой рукой камень, к моему радостному изумлению, попал в голову наглецу. Он взвизгнул, отпрянул в сторону, наскок на случившегося рядом собрата. Тот ухватил его за бок — он заверещал, как обиженный ребенок. Большая гиена, бандерша, наверно, его мамаша, угрожающе хрюкнув, бросилась на обидчика. Воспользовавшись как

нельзя кстати случившейся разборкой, я заложил вход.

Полагая, что теперь в безопасности, растянулся на земле. Остро ныли в костях перетруженные ноги, болела увечная рука, лежать на камнях было чертовски неудобно. Укладывался и так, и сяк — уснуть, отключиться было недостижимым блаженством...

Вскоре меня затрясло от холода. Стуча зубами, достал палатку, завернулся в нее с головой. Все равно колотун — мои ветхозаветные апартаменты продувались ветром. Настоящий пустынный здесь бы не поселился. Пещер в Негеве, слава богу, хватает, ходи, выбирай на свой вкус без всякой ипотеки.

Я слышал возню за стенами пещеры, хрюканье и сатанинский смех. По ногам таянуло сквозняком особенно сильно, и все казалось, что меня кто-то трогает за ботинок. Стало жалко ботинки. Они доставляли мне порядком хлопот: проходишь рамку контроля — всегда звенят. И тут, в пустыне, они оказались далеко не идеальной обувью. Сам, конечно, виноват. Надо было надеть шерстяные носки. Все равно жалко, жалко до слез... Столько протопал... А вот теперь сожрут. У этих тварей крепкий желудок, переваривает все, что туда попадает... Но железо им слабо... Значит, останется железка, которую немцы вставляют в носок для жесткости, и несколько клепок. Что еще?.. Останутся колышки от палатки, металлические застежки рюкзака. Все прочее они перевалят в своих гнусных желудках за 24 часа. Их уникальные челюсти давят три тонны на сантиметр. А зубы запросто крошат любые кости. Не надо ходить к гадалке, чтобы узнать, что со мной станет. Меня должно успокоить то, что я еще послужу удобением для верблюжьей колючки, нет, бери выше, для ночной фиалки маниоллы или журавлика. Буду считаться пропавшим без вести, перестану существовать для родных и друзей, но я не исчезну вовсе, останусь необходимым звеном биогеоценоза до окончания веков. Блестящие перспективы!

Я сел, выдернул из-под себя рюкзак, поширился в нем, нашел спички. Зажег сразу несколько — когтистая лапа проринулась в дыру, поскребла по земле. Подкоп — вот наглость! Я схватил камень, саданул по лапе. Несчастное животное завопило так, что я искренне раскаялся в содеянном. Заделал дыру и перекаптался в другое дальнейшее помещение моего убежища. Снова закутался в палатку и, постанывая, поплыл в заоблачном бреду. Боль вливалась зубами гиен, рвала на части тело, не было ни единой здоровой клеточки.

(Окончание в следующем номере)

«...ЛЮБЛЮ СЛЕДИТЬ ЗА ОБЛАКАМИ...»

В рамках проекта «Культурная продукция Издательского Дома «МАРАФОН» весной 2010 года вышли сборники стихотворений поэтов-любителей: Веры Надель «Соленые туманы», Инны Токуновой-Дроздовой «Уральская твердь», Натальи Шарниной «Портреты времени», Ивана Космачева «Золотая слякоть».

Знатки высокой поэзии, вероятно, довольно критически оценили бы эти книжки: мол, это не настоящая поэзия, не литература и т.д. Мне же тексты выше названных сочинителей представляются вполне достойными внимания, хотя бы уже потому, что они являются достоверными свидетельствами эпохи — времени поощрения творчества, взрыва интереса к слову и свободы самовыражения.

Записав, всех этих, ранее безвестных для меня авторов, в разряд романтиков, сразу отметила «голосовые обертоны» каждого из них: «крестьянские корни» И. Космачева, погруженность в городскую цивилизацию И. Токуновой-Дроздовой, формалистические упражнения Н. Шарниной, любовную лирику В. Надель.

У каждого из авторов есть свои, пусть маленькие, но находки и открытия. Мне было любопытно вместе с лирическим героем И. Космачева следить за облаками, слышать «вздохи земли», ощущать «дыхание мороза» на окне, видеть, как «солнце вяжет узор золотой» или «поля, брюхатые в истоме», восхищаться его пасторалью: «Сегодня видел сладкий сон».

Романтическая параболла урбанистки И. Токуновой-Дроздовой в целом более прямолинейна (она воспевает свой край подчас в духе пионерских речёвок). Но в объеме — 300–400 строф — сборнике можно отыскать и зерна настоящего чувства, а не только патристические штампы.

Творческое воображение Н. Шарниной обращено больше к духовной проблематике: к душе, культуре, красоте мира. Особенно обращает на себя внимание синтаксис автора: восклицательных знаков у Шарниной больше, чем вопросительных.

Ее лирическая героиня, называя себя «студенткой», постоянно учится («мне бы книгу посолидней») и не случайно ощущается, что октавы, сонеты и другие авторские экзерсисы Н. Шарниной, в той или иной степени способны обновить языковой инструментальный современной поэзии.

Лирические сюжеты В. Надель исходят из внутреннего мира человека, сконцентрированный на очень интимных переживаниях. Находясь в «любви ссоры с жизнью», лирическая героиня этой поэтессы «полна своею правдой». Может быть, именно это и делает ее печаль животворящей.

И хотя подчас у авторов вышедших книг «хромеет» рифма, кого-то подводит стихотворный размер, порой встречаются штампы, есть и иные формальные недостатки, мне, как читателю, все это представляется поправимым. Важно иное: всех самостоятельных авторов объединяет стремление художественно и по-своему осмыслить окружающий мир. Отрадно, что и такие авторы находят поддержку в издательстве «МАРАФОН», созданном при Екатеринбургском отделении Союза писателей России.

Людмила РЕЗВАЯ

Путями Клио: прочтение исторического романа Александра Кердана «Крест командора»

Историческая справка: Вторая Камчатская экспедиция, о которой и идёт речь в романе, была совершена в царствование Анны Ивановны (1734–1742 гг.), под руководством Витуса Беринга и Алексея Чирикова, достигла южного побережья Аляски, где произошла первая встреча с местными жителями — алеутами. После многих испытаний оставшиеся в живых вернулись в Петропавловск. Сам капитан-командор Витус Беринг умер и был похоронен на маленьком острове. Алексей Чириков завершил работу экспедиции. Российское правительство отнеслось к открытиям равнодушно. Потребовалось значительное время, прежде чем заслуги Беринга были полностью признаны.

Эти события составляют историческую канву романа. И, вроде бы, не дают оснований для дискуссий. Но Александр Кердан создал на этом материале неожиданную книгу — многоплановую и неоднозначную.

Современного читателя не удивит оригинальная историческая концепцией, приверженцы альтернативной истории ушли гораздо дальше изменения трактовки отдельных исторических событий: мы уже слышали, что не было монголо-татарского нашествия, да и Ивана Грозного в природе не существовало и т.д.

Александр Кердан смело ломает исторические стереотипы, но, надо отдать должное, его собственная историческая концепция базируется на архивных исследованиях, исторических документах о малоизвестных эпизодах российской истории XVIII столетия. С моей точки зрения, публикация найденных им документов составила бы интереснейший труд (соотношение, роль документа и художественного вымысла — тема для отдельного разговора, недаром ведь Пушкин после создания «Истории Пугачевского бунта» написал «Капитанскую дочку»).

Главный стереотип нашего восприятия заключается в том, что принята официальная точка зрения на события той эпохи, изложенная в «БСЭ» (1969–1978), которая и тиражируется во всех источниках: «Бироновщина — крайне реакционный режим в России в 30-х гг. 18 в. в царствование императрицы Анны Ивановны; назван по имени ее фаворита Э. Бирона — вдохновителя и создателя этого режима. Характерные черты Бироновщины — засилье иноземцев, главным образом немцев, во всех областях государственной и общественной жизни, хищническая эксплуатация народа, разграбление богатств страны, жестокие преследования недоброжелателей, шпионаж, доносы. Государственная казна истощалась от бесхозяйственного управления страной, беспремерной роскоши двора, хищений фаворитов».

Насколько эта трактовка объективна? Историк Николай Костомаров писал: «Эпоха этого царствования издавна уже носит наименование бироновщины. Но если подвергнуть этот вопрос беспристрастной и строгой критике, то окажется, что к такому обвинению Бирона и с ним всех вообще правительствующих немцев недостает твердых оснований. Невозможно приписывать весь характер царствования огулом немцам...» («Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей»). Прошу извинить за длинные цитаты, но

давление этого давнего стереотипа я сама почувствовала при чтении романа.

Анна Ивановна, какой мы видим её в романе — баба, самодурствующая на российском троне (но чистейших российских кровей). И рядом Бирон: он немец и звёзд с неба не хватает, но, в меру своих, пусть скромных, способностей, старается быть добросовестным. Именно благодаря ему состоялась Вторая Камчатская экспедиция.

Историческая традиция (или не лучшая национальная черта?) — ругать «немцев» и хвалить всё российское, тем более Елизавету, «дочь Петра», продолжательницу его дел.

Что означает нетрадиционность образа Бирона? Желание восстановить справедливость, хотя бы в исторической перспективе: за приписанные тому бесчисленные «вины» (в оправдание государственного переворота, организованного Елизаветой Петровной и её сторонниками); за явное преувеличение историками заслуг самой царицы Елизаветы, похоронившей многие начинания Петра Великого, в том числе освоение Дальнего Востока и Аляски?

В романе царице даётся уничижительная характеристика: «Взявшая при помощи роты преобразенцев власть в стране «дочь Петрова» Елизавета, на словах ратовавшая за продолжение дел своего великого отца, будет столь же далека от моря и морских исследований, как её предшественники. География новой императрицы всегда будет казаться чем-то вовсе неинтересным, далёким от реальной жизни. Елизавета Петровна до конца дней своих будет убеждена, что в Англию можно попасть посуху, в карете, и никто не сможет её переубедить в обратном... Тем паче, что и ближайшее окружение новой императрицы оказалось столь же далёким от понимания необходимости освоения новых земель... в 1743 году Сенат постановил: «Ту экспедицию, от которой Сенат нимало плода быть не признает, надлежит вовсе отставить».

Елизавета Петровна ничтоже сумняшея скрепила сенатское решение резолюцией: «Быть по сему». Одним росчерком пера она не только похоронила великие замыслы своего покойного родителя, но и перечеркнула беспремерные труды многих тысяч русских и нерусских людей, положивших все силы и здоровье на алтарь служения Отчеству, живота своего не пощадивших, раздвигая границы империи».

Отстаивать патриотические идеи и проводить «мысль государственную» даже державную, что, несомненно, в романе главное — можно, ругая при

этом неприглядные реалии российской действительности и русского характера и отдавая должное немцам в российской истории. Низкий поклон автору за уважение и доверие к читателю, без скидок на «квасной патриотизм». Изображая дикий начальствующий люд в Сибири, где мздоимец на мздоимце сидит, Кердан пишет: «Набожному и образованному европейцу и в голову никогда не придет, и во сне страшном не привидится, что можно в таких невиданных размерах собственную казну обирать, своих же единоверцев обманывать». Таковы в романе воеводы Турчанинов и Скорняков-Писарев со товарищи. Но, что интересно, приведенное высказывание принадлежит крайне несимпатичному офицеру Шпанбергу, человеку неумному и недобросовестному. Несомненно, большие сволочи эта чиновничья рать и любое доброе дело готовы загубить — а вот не хочется как-то соглашаться именно со Шпанбергом. Что это, ещё один авторский прием — не давать читателю впасть в грех очередного стереотипа? Правду из любых уст воспринимать должно?

Многие знакомы с той эпохой по роману И. Лажечникова «Ледяной дом». Лажечников, создавая картину исторических событий или облик персонажа, выбирал самые известные, занимательные события, — исторические анекдоты, — пользовался готовыми «стереотипами», сложившимися в общественном мнении и литературной традиции. Но, как отметил А. Пушкин, именно эта заданность образов ведет у Лажечникова к искажению духа исторической эпохи. По мнению А. Пушкина, автор должен полностью перенестись в изображаемую эпоху, не выставляя напоказ собственный образ мыслей, ограничиваясь развернутым изображением эпохи и исторических лиц, не стремясь к сценическим эффектам, к романтическому пафосу.

Немало было споров, что является критерием истинной объективности исторического романа, насколько допустимо отражение интересов современности, оценка прошлого с позиций настоящего. Как правило, получается, что историческая добросовестность плохо сочетается с передачей духа времени: или исторически достоверные

тяжеловесные романы Д. Балашова (которых никто не читает) или по малороссийски лирично-сентиментальные, отступающие от исторической правды, но беллетристически привлекательные романы В. Скляренко. Историческим романам не хватает достоверности, документальным трудом — занимательности. Одни, говоря театральным языком, одевают Ромео и Джульетту в джинсы, другие — современную публику в роброны и парики. И вот ещё парадокс: наиболее успешные документально-исторические книги сейчас создают литераторы, а наиболее тенденциозными зачастую являются труды историков (Л. Гумилёва, В. Суворова и т.д.).

«Официальная» история перекраивается и переписывается каждым правительством в целях собственного возвышения и оправдания. На этом фоне особенно вызывает уважение творческая независимость Александра Кердана: в выборе событий и их освещении, в отходе от признанных мнений, открытая гражданская позиция — и в то же время научная добросовестность, я бы даже сказала — скрупулёзность, тщательное изучение мемуарной и архивной литературы. Очевидно, что в решении извечной проблемы жанра: сочетание исторической объективности, отражение нравов эпохи — и создание художественного произведения, захватывающего внимание читателей — автор не только использует открытия своих предшественников, но также находит свои собственные художественные решения.

Основные черты классического исторического романа выделил ещё Вальтер Скотт, основоположник жанра: 1) роман охватывает различные человеческие типы, сословия, классы, вмещает в одно повествование жизнь всей страны, изображает частные судьбы на фоне общественных катастроф, позволяет сплести жизнь обычного среднего человека с событиями государственной важности; 2) в романе подробно изображаются нравы эпохи; 3) автор художественно соединяет историческую правду с вымыслом. Исторические события изображаются сквозь восприятие частного вымышленного лица, ведущего любовную интригу романа. В качестве такого персонажа выводятся фигуры, типичные для изображаемой эпохи и страны. В. Скотт считал, что «важнейшие человеческие страсти во всех своих проявлениях, а также и источники, которые их питают, общи для всех сословий, состояний, стран и эпох». Чтобы заинтересовать читателя, события, изображённые в произведении, можно и нужно перевести на нравы и язык современности.

Должна ли речь героев быть всегда построена «сообразно эпохе», и если да, то, как этого достичь: во-первых, не имея достаточного речевого материала, во-вторых, рискуя потерять читателя? Несомненно, речь людей в разных странах и в разные эпохи обладала сильными различиями, вытекающими из особенностей разных культур. Но!... Рони Старший писал свою «Борьбу за огонь» современным языком и с ним никто не спорил: как изъяснялись в первобытном племени уламларов — открыто мраком.

А как говорили россияне 300 лет назад? Есть ли возможность узнать это? Герои В. Жуковского и А. Пушкина разом заговорили современным языком после тяжеловесного «высокого штиля» Гаврилы Романовича Державина, но

Путями Клио

⇒ ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТРАНИЦЕ 11

ведь никто не думает, что так резко изменилась речь россиян? Вызывают скепсис фразы, типа «умелая стилизация под старинный слог», «автор передал особенности речи древних новгородцев». Надо смириться, мы никогда не узнаем, как говорили наши предки.

«Крест командора» написан в основном современным литературным языком, с вкраплением принятых в петербургском обществе иностранных выражений, морских и канцелярских терминов того времени, наименований предметно-бытовой среды. Мелкающие «славянизмы» — оный, токмо, сие и прочее — не режут слух. На мой взгляд, некоторую тяжеловесность роману придаёт не язык, а перегруженность предысториями персонажей.

Судя по языку «Арапа Петра Великого», Александр Сергеевич этой проблемой не очень был озабочен (только избегал слов, недавно вошедших в обиход) и в этом был солидарен с В. Скоттом. Но нового в языке тогда было не так много, время двигалось медленней.

А вот что не входило в перечень особенностей классического исторического романа — передача ритма времени эпохи. Там, где сэру Вальтеру Скотту было достаточно сделать шаг назад — Александру Кердану надо совершить гигантский прыжок. Мы живем во времени, которое постоянно ускоряет свой бег. Современный человек проживает жизнь, более наполненную событиями, явлениями, людьми, информацией, словом, живёт в совершенно ином ритме, чем человек предыдущих поколений. Ускорение времени дает о себе знать во всех сферах жизнедеятельности. Философ С.А. Троицкий считает, что и в литературе происходит сжатие текста. Теперь крупные по объему романы, типа «Войны и мира» не просто не модны, а невозможны.

«Письмо твоё, в котором просишь ты нас о родительском нашем благословении и согласи на брак с Марьей Ивановной дочерью Мироновой, мы получили 15-го сего месяца...» — эти строки из «Капитанской дочки» всплывают как яркий пример передачи ритма времени в художественном тексте. По-моему, ритм этих строк изменить невозможно, как Пушкин это сделал — тайна за семью печатями, ученые пока не вывели соответствующих формул.

Тем не менее, и передать ритм иной эпохи — важнейшее требование жанра сегодня. Это некий фундамент книги, на котором выстраивается всё остальное (невольно вспоминается Остап Бендер, который смог войти в контакт с обитателями киностудии, только когда догадался включиться в их бег по коридорам).

На первых страницах романа Кердана закладывается определённый ритм повествования, его тональность: «Берег для него всегда был роднее моря. С детства, неуклюжий и тучный, он чувствовал себя надёжно и уверенно только на земле. Иногда он забирался на крутой откос и подолгу глядел то на море, то на побережье, и тогда вода и суша казались ему чем-то единым: песчаные холмы напоминали вздыбленную горько-солёную пучину, а зелёные волны — холмистую твердь». Стиль пролога — прозрачной чёткости, как камушки под чистой водой.

Архитектонике романа придаёт изящество на диво удачная находка: выразительный эпизод пролога «взять чужой крест — возложить на себя чужую судьбу» обозначил тему, которая утверждается в самом названии, «Крест командора», проходит красной нитью через весь роман, включая богатый ассоциативный ряд человека христианской культуры. Здесь обозначен главный персонаж, сюжет, философско-психологическая линия романа. Здесь обозначена и личность автора, его позиция, его взгляд на события, подходы к выстраиванию характеров персонажей, их иерархии.

«Крест Кердана»: стремление охватить и обжить огромное пространство — до явственного хруста суставов. Пространство романа огромно не только географически: от Копенгагена до восточного побережья Америки. Физическое пространство романа создаётся зримо, на наших глазах — движением экспедиции (характерное для традиционного исторического романа сюжетное решение, путешествие-«хождение»). Здесь важна не только возможность показать приключения в пути — не менее важно «возвращение». Привезли карту новых земель. Но только ли?..)

Автор этим не ограничивается, он раздвигает, строит многослойное пространство по вертикали и горизонтали: социальные слои Петербурга, сибирские городки, охотничий форт, поселение алеутов, пространство отдельных персонажей, наконец. Чтобы совладать с этим сложнейшим геометрическим построением, Кердану приходится искать новые литературные приёмы. В романе часто и умело используются достижения кинематографии: общий план, крупный план... При внешней традиционности, автор строит роман вполне современными средствами.

Это же можно сказать в отношении авторской иерархии положительных и отрицательных персонажей романа. Читатель привычно ищет в книге «положительного» героя — чтобы включиться в действие, ему нужна родственная (или идеальная) душа, с которой он себя идентифицирует, которой будет сопереживать. Есть ли такой герой в «Кресте командора»?

Так складывается, что вся нагрузка: развитие исторических событий, философская линия, любовная интрига, — ложатся на исторические персонажи (Алексей Чириков, Витус Беринг, супруга его, Анна Матвеевна и др.). И вот здесь воплотились лучшие традиции жанра: исторические персонажи в романе вырисовываются живыми, полнокровными личностями, притом самодвижение этих характеров вполне согласовано с верностью историческим фактам.

Много неожиданностей преподносит нам образ командора. В детстве он мечтал стать пастором, а волею судьбы стал моряком, капитаном. Плохой из него вышел моряк, слабый руководитель. Но он верен присяге, устремлен к главной цели — обретению новых морских путей в Японию и Америку. Вопреки напору супруги — он честен в выполнении долга: не продаёт ни секретные документы, ни имущество экспедиции. И к членам экспедиции часто проявляет человечность, значительно превышает потребность экспедиции. Верность характеру: лучшее в командоре то, что сделало бы его идеальным пастором. «Он искренне любил свою

семью и особенно Анну Матвеевну. Она была мила ему со всеми недостатками — тягой к богатству и роскоши, желанием нравиться всем мужчинам на свете и даже с привычкой главенствовать в доме...»

Воистину те, кого мы любим, дороги нам и своими слабостями. У Беринга после разлуки с семьёй возникло ощущение, будто у него душу вынули из груди..., что лучшая ее часть, отвечающая за радости жизни, за само желание жить, покинула телесную оболочку и полетела вслед за Анной Матвеевной и детьми. С ним же осталась только малая толика, которая зовется совестью и отвечает за земные долги человека... Благодаря этой толике Беринг каждое утро тяжело вставал с постели и принимался выполнять многотрудные обязанности начальника экспедиции».

В конце книги Алексей Чириков рассуждает: «Что ж, у каждого из нас свой крест. Командор, так не любивший море, нашёл приют на затерянном среди волн необитаемом острове». И дальше: «...пусть и взявшимся не за своё дело, но ведь старающимся же исполнить его в меру сил?». Может в этом и есть главный подвиг человека — не быть суперменом, просто терпеливо и честно нести свой крест?

Прекрасная командорша, Анна Матвеевна, самый яркий, живой персонаж. Но её нельзя отнести ни к положительным, ни к отрицательным. Не «отрицательная» — поскольку она не преступает нравственных устоев, они в ней попросту изначально отсутствуют. Без сомнений и переживаний изменяет она и мужу и Отечеству. Это очень современный человек, без рефлексий — действует из экономической выгоды или для получения физического удовольствия, — и только. Женщину с умом и энергией, с полным осознанием своей женской силы, её со всеми фишками и корсетам — хоть сейчас в наше время: создаст своё «дело» и будет благоденствовать. И в то же время — она реальный персонаж своего времени, постпетровской эпохи. Командорша — большая удача автора, — человек того времени — вне времени. Полюбить её трудно — но трудно и удержаться от восхищения.

Алексей Чириков — прекрасный моряк, человек энергичный, одержимый делом — может он является проводником авторских идей? Жил Чириков по петровскому принципу: в службе — честь. Но — опять у автора: «И хотя всем старался Алексей Ильич помочь, себя не раз ловил на том, что не в силах одолеть греховность человеческой породы, не может справиться с таким смертным пороком, как гордыня...». И дальше: «Понимал Чириков, что расшатывает своим поведением дисциплину, ан до поры до времени ничего не мог с собой поделаться...» — речь идёт о противостоянии капитан-командору. И вообще, если вести речь о чуткости, то можно ли таковым назвать человека, который пренебрегает своей семьёй? Жена и дети Чирикова чуть не впроголодь обретались в Якутске, и вспомнил он о них редко. А разве забота о близких не является важнейшей обязанностью мужчины? До последних дней жизни Чириков напряжённо анализирует пройденный путь, свои действия, поступки своих соратников.

Остаётся такое чувство, что не оправдал авторских надежд и Авраам Деметьев — молодой лирический герой. Для активного включения в события не хватает у него внутренней энергии,

авантюристичности характера. И история его любви к Кате обрывается, не получает развития (простите мне глубокий вздох чисто дамского сожаления!).

Невольно возникает мысль, что автор работает со своими героями по системе Станиславского: ищет в злодеех добро, в добрых — слабости. И в этом окончательно уходит от традиций жанра. Идеальный герой так и не находится: но постепенно сживаешься с персонажами книги, проникаешься их болью и надеждами, повседневыми проблемами, и возникает «то самое» почти родственное сопереживание.

Первопроходцы изображены в основном людьми практическими. Нет в книге романтиков, сумасшедших энтузиастов. Люди просто служат, зарабатывают на жизнь.

У многих возникает вопрос: а нужна ли Россия в этих огромных пустых пространствах? Стоили ли они таких жертв? Российское правительство довольно безучастно относилось к занятию русским народом огромных земель на востоке. А когда пушной промысел перестал играть в государственных доходах заметную роль — Сибирь превратилась в место ссылки, а русская Америка была продана. Единственно Столыпин сделал попытку использовать Сибирь в геополитических целях. Занятие почти пустых сибирских, дальневосточных, американских территорий производилось государством, а по инициативе самого народа.

Чрезвычайно интересной мне представляется точка зрения на эту проблему Даниила Андреева, изложенная в «Розе мира»: «... Что же это за непреодолимый зов, увлекающий землепроходцев всё дальше и дальше? Что же это за непонятный инстинкт? Да: избыток телесных сил и мужание народного духа, в котором, при неутраченной ещё до конца внутренней цельности, пробуждается стремление вдаль — вот, в психологическом плане, проявление этого иррационального фактора в разбираемую нами эпоху.

А деяния, внушавшиеся землепроходцам, сводились к одному — только одному, но великому: силами нескольких сотен богатырей захватить и закрепить за сверхнародом Российским грандиозные пространственные резервы — всю пустующую территорию между массивами существующих ныне на земле культур. Ни один казак этого, конечно, даже приближённо не понимал.

...Это имело отношение к всемирно-историческому назначению России и эти пространственные резервы должны послужить ареной для тех творческих деяний сверхнарода, свидетелем которых явится XXI или XXII век. Культура, призванная перерасти в интеркультуру, может осуществить своё назначение, лишь тесно соприкасаясь со всеми культурами, которые она должна ассимилировать».

Думается, этот мощный непреодолимый зов Бессознательного движет и писателем в его творческой преданности теме освоения Сибири и Америки. Этот зов наполняет и нас — благодарных читателей — уверенностью, что «Крест командора» — не последнее произведение Александра Кердана на эту тему.

Антонина ВОДАТУРСКАЯ

Александр Кердан. Крест командора. — М.: Вече, 2010. — Серия «Исторические приключения». — 384 с.

Борис БУРМИСТРОВ

К любви изначальной...

ИСТОКИ

«...и дум высокое стремление...»
А.С. Пушкин

Поэзия должна быть несуразной,
Неприбранной, неправильной
и разной...

Поэзия не просто — откровенье —
А чувств и дум невольное смятенье.

И тех же дум — невинное блужданье,
Поэзия — начало Мирозданья,
Законов всех начальная строка,
Мгновений неосознанных века...

Когда застигнет ветер в поле,
Весенний гром оглушит вдруг...
Судьба немыслима без боли
И нет больней душевных мук.

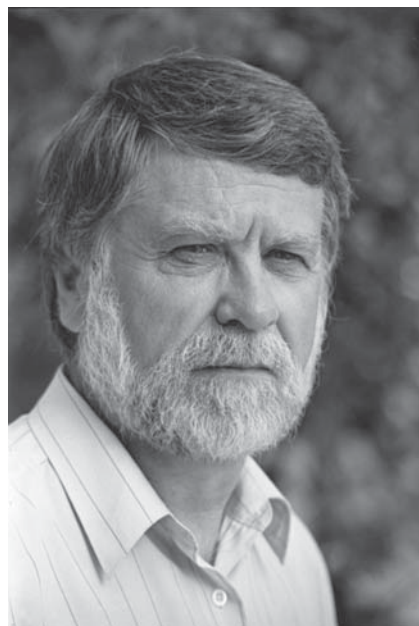
Когда людские кривотолки
Тебя смутят, ты промолчи.
Судьбы зеркальные осколки,
Как звезды, высыпят в ночи

По ним судьбу свою сверяя,
Поймешь, что мучился не зря —
Любовь придет в начале мая,
Или в начале сентября!

Кому весенние разливы,
Кому осенняя тропа.
Как песен разные мотивы —
У каждого своя судьба.

И кто какой достоин доли,
Пройдя сквозь тысячи обид?
Судьба немыслима без боли,
Душа и в радости болит.

АВТОРА!

Борис Васильевич Бурмистров родился в августе 1946 года в Кемерово. Секретарь правления Союза писателей России, председатель правления Союза писателей Кузбасса, сопредседатель Ассоциации писателей Урала. Автор многих поэтических книг и песен. Лауреат нескольких всероссийских литературных премий. Академик Петровской академии. Живет в Кемерово.

Поминальное...

Мы бы могли жить совсем по-другому...
Лодка печали причалила к дому.
Мы же не звали ее, не просили.
Сел в эту лодку отец наш — Василий,
Дочка Светлана, сынок — Василечек,
Бабушка Дуня и сын ее — летчик,
Брат Анатолий и друг его странник —
Лодка отчалила, скрылась в тумане.
Лишь перевозчик махнул на прощанье
И, оглянувшись, сказал: «До свиданья».

На этом неласковом свете
Судьба оступалась не раз.
Мои нерожденные дети,
Как больно и горько без вас.

На этой гудящей планете
Есть тихое слово — прости.
Мои гениальные дети,
Вам крест непосильный нести.

За вас я, любимых, в ответе,
Но жизни так мало одной.
Мои неизвестные дети,
Все ваши печали со мной.

Душа моя юностью грезит,
Но край горизонта в огне.
Мои нерожденные дети
Приходят и плачут во сне.

Мы вместе и плачем, и бредим
Своей и чужою судьбой.
Мои нерожденные дети,
Мы встретимся в жизни другой.

Надо верить, что смерти нет.
Путь прошел и назад оглянулся —
Слава Богу, я видел свет,
Слава Богу, я в свет окунулся.

Не кличь по имени меня,
Я позабыт тобою.
Где были травы — там стерня,
Все скошено судьбою.

Так колко, холодно в душе.
И в поле одиноко...
Черным-черно, лишь на меже
Цветов осенних много.

И в ожидании огня,
Палящего, степного —
Не кличь по имени меня,
Не обжигайся снова.

От печали надолго ли скроюсь,
Перемешан с закатом рассвет.
Успокоиться не успокоюсь,
Потому, что спокойствия нет.

Потому, что в далеком и близком,
Как в тумане, не видно ни зги,
Перепутаны, видимо, слишком
В моей памяти годы мои.

Перекручены ниточки, нити,
Узелками отмечены дни...
Видно все мы живем по наитию,
Укрываясь от света в тени.

Укрываясь от хмурого взгляда,
Мы торопим течение лет.
А печалимся — значит так надо:
Без печали и радости нет.

ПОЭТ

За все, что выдумал, простите —
Поэт на выдумки горазд,
Он столько в этой жизни видел,
Не выставляясь напоказ.

Он столько верст земных отмерил,
Прошел сквозь сумерки времен
И он один, наивный, верил,
Что мир добром не обделен.

Сменялись дни, сменялись ночи,
Храм воздвигался на крови,
А он любил и жаждал очень
В ответ, хоть капельку, любви.

Слова придумывал такие,
Каких еще не слышал свет
И утихали все стихии,
И умолкал безумный бред.

РОССИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Все обустроилось в жизни,
Видимо, правильно жил.
Только тоска по отчизне,
Той, что я в жизни любил,

Только печаль мировая
После столь долгих дорог.
Батя сказал, умирая —
Как же вы дальше, сынок...

Видимо думал он, зная
Что ожидает нас всех
Междоусобица злая
И неотмоленный грех.

Трапезы реже, чем тризны,
Радости всей на пятак.
Думал, все сладилось в жизни,
Все оказалось не так.

Вновь мои русские братья
Кличут меня по утрам...
Я обещал тебе, батя —
Русь никому не отдам!

Сушенный виноград —
уже не виноград
И лук сухой нас плакать
не заставит,
И если этой жизни
ты не рад,
То, значит, кто-то
этой жизнью правит.
В сухие дни так хочется
дождя
И он приходит с грозовой
тучей,
И ты резвишься,
времени дитя,
Как хорошо, что повод есть
и случай.
Хвалу лозе я воспою
сто крат
И все ж закончу на минорной
ноте —
Сушенный виноград,
уже не виноград —
Он для вина ни капли
не пригоден.

Человечество сходит с ума
От пороков земных, от бессилья.
Нас уже не страшат ни тюрьма, ни сума,
Не пугает нас кровь и насилье.

Человек, словно робот
в пространстве живет,
Без любви роботенок рождает,
Непотребное что-то жует,
Непотребным мозги осушает.

Человечество сходит с ума —
Дух терзает и плотью страдает.
Свет небесный сквозь серый туман
На пустые поля оседает.

Человечество сходит с ума —
Все скуднее любви закрома.

Я выдумал тебя,
Теперь пред всеми каюсь
За то, что не любя
Исправить мир пытаюсь.

За то, что вопреки
Всем домыслам и смыслам
Не дописав строки,
Перехожу вдруг к числам.

Из памяти моей
Вновь выплывают даты —
Рождение друзей
И горькие утраты.

И я, судьбой храним
Вдруг понимаю ясно,
Что в мире больше зим
И больше дней ненастных.

Метели декабря
Мою тревожат память.
Я выдумал тебя,
Пытаясь мир исправить.

Я грустить подолгу не умею,
Женский взгляд лишь чуточку кольнет —
Я уже от радости шалею
И душа срывается в полет.

Я в любовь таинственную верю,
Потому навстречу ей лечу.
Я грустить подолгу не умею,
А вернее, просто не хочу.

Радости не так уж в жизни много,
Каждый миг удачливый ловлю
И взлетаю высоко-высоко
От щемяще-нежного «люблю».

Я покидаю с горечью тебя —
Москва, Москва — нерусская столица.
Мне, русскому, хамят здесь и грубят,
Здесь негде от разбойников укрыться.

Россия, необъятная моя,
Гляжу с холма и сердце замирает.
Я уезжаю в дальние края,
Где русский дух, пока еще витает,

Где Русь моя, надеждами полна,
Что через годы возродится снова.
Москва, Москва, — есть в том моя вина,
Что не сказал в твою защиту слова,

Что промолчал, когда ввели в полон
Твоих детей, оторванных от древа.
Ни Ангара, ни Енисей, ни Дон
Из берегов не выплеснули гнева.

Москва, Москва прости мне этот стыд
За всех, за все и за мое молчанье,
Прости меня и нас Господь прости.
И всех вернет к любви изначальной.

Альберт ЛИХАНОВ

ПОСЛЕДНИЕ ХОЛОДА

Отрывок из повести

...Сразу после весенних каникул в третьем классе, то есть без года и двух месяцев начально образованным человеком, я получил талоны на дополнительное питание.

Шёл уже сорок пятый, наши лупили фрицев почем зря, Левитан каждый вечер объявлял по радио новый салют, и в душе моей ранними утрами, в начале не растревоженного жизнью дня, переключались, польхая, две молнии — предчувствие радости и тревоги за отца. Я весь точно напряжился, суеверно отводя глаза от такой убийственно-тягостной возможности потерять отца накануне явного счастья.

Вот в те дни, а точнее, в первый день после весенних каникул, Анна Николаевна выдала мне талоны на допитание. После уроков я должен идти в столовую номер восемь и там пообедать.

Бесплатные талоны на допитание нам давали по очереди — на всех сразу не хватало, — и я уже слышал про восьмую столовую.

Да кто её не знал, в самом-то деле! Угрюмый, протяжный дом этот, пристрой к бывшему монастырю, походил на животину, которая распласталась, прижавшись к земле. От тепла, которое пробивалось сквозь незаделанные щели рам, стекла в восьмой столовой не то что заледенела, а обросли нервной, бугроватой наледью. Седой чёлкой над входной дверью навис иней, и, когда я проходил мимо восьмой столовой, мне всегда казалось, будто там внутри такой тёплый оазис с фикусами, наверное, по краям огромного зала, может, даже под потолком, как на рынке, живут два или три счастливых воробья, которым удалось залететь в вентиляционную трубу, и они чирикают себе на красивых люстрах, а потом, осмелев, садятся на фикусы.

Такой мне представлялась восьмая столовая, пока я только проходил мимо неё, но ещё не бывал внутри. Какое же значение, можно спросить, имеют теперь эти представления?

Объясню.

Хоть и жили мы в городе тыловом, хоть мама с бабушкой и надсаживались изо всех сил, не давая мне голодать, чувство несытости навешало по многу раз в день. Нечасто, но всё-таки регулярно, перед сном, мама заставляла меня снимать майку и сводить на спине лопатки. Ухмыляясь, я покорно исполнял, что она просила, и мама глубоко вздыхала, а то и принималась всхлипывать, и, когда я требовал объяснить такое поведение, она повторяла мне, что лопатки сходятся, когда человек худ до предела, вот и рёбра у меня все пересчитать можно, и вообще у меня малокровие.

Я смеялся. Никакого у меня нет малокровия, ведь само слово означает, что при этом должно быть мало крови, а у меня её хватало. Вот когда я летом наступил на бутылочное стекло, она хлестала, будто из водопроводного крана. Всё это глупости — мамыны беспокростства, и если уж говорить о моих недостатках, то я бы мог признаться, что у меня с ушами что-то не в порядке — частенько в них слышался какой-то дополнительный, кроме звуков жизни,

лёгкий звон, правда, голова при этом легчала и вроде бы даже лучше сообщала, но я про это молчал, маме не рассказывал, а то выдумает ещё какую-нибудь одну дурацкую болезнь, например, малоушие, ха-ха-ха!

Но это всё чепуха на постном масле! Главное, не покидало меня ощущение несытости. Вроде и наемся вечером, а глазам всё ещё что-нибудь вкусненькое видится — колбаска какая-нибудь толстенная с кругляшками сала, или, того хуже, тонкий кусочек ветчины со слезинкой какой-то влажной вкусности, или пироги, от которого пахнет спелыми яблоками. Ну да не зря поговорка есть про глаза ненасытные. Может, вообще в глазах какое-то такое нахальство есть — живот сытый, а глаза всё ещё чего-то просят.

В общем, вроде и поешь крепенько, час всего пройдёт, а уж под ложечкой сосёт — спасу нет. И опять жрать хочется. А когда человеку хочется есть, голова у него к сочинительству тянется. То какое-нибудь невиданное блюдо выдумает, в жизни не видал, разве что в кино «Весёлые ребята», например, целый поросёнок лежит на блюде. Или ещё что-нибудь этакое. И всякие пищевые места, вроде восьмой столовой, тоже человеку могут воображаться в самом приятном виде.

Еда и тепло, ясно всякому, — вещи очень даже совместимые. Поэтому я воображал фикусы и воробьёв. Ещё я воображал запах любимой моей гороховицы.

Однако действительность не подтвердила моих ожиданий.

Дверь, ошпаренная инеем, поддала мне сзади, протолкнула вперёд, и я сразу очутился в конце очереди. Вела эта очередь не к еде, а к окошечку раздевалки, и в нём, будто кукушка в кухонных часах, появлялась худая тётка с чёрными и, мне показалось, опасными глазами. Глаза эти я заметил сразу — были они огромными, в пол-лица, и при неверном свете тусклой электрической лампочки, смешанном с отблесками дневного сияния сквозь оплывшее льдом оконце, сверкали холодом и злобой.

Столовая эта была устроена специально для всех школ города, поэтому, ясное дело, очередь тут стояла детская, из мальцов и девчонок, притихших в незнакомом месте, а оттого сразу вежливых и покорных.

«Здрассь, тётя Груша», — говорила очередь разными голосами — так я понял, что гардеробщицу зовут именно этим именем, и тоже поздоровался, как все, вежливо назвав её тётей Грушей.

Она даже не кивнула, зыркнула блестящим вороньим глазом, кинула на барьерчик жестяной, скрежетнувший номерок, и я очутился в зале. С моими представлениями совпали только размер и воробьи. Они сидели не на фикусах, а на железной перекладине под самым потолком и не щebetали оживлённо, как щebetали их собратья на рынке, неподалеку от навозных катышей, а были молчаливы и скромны.

Дальнюю стену столовой прорезала продолговатая амбразура, в которой

мелькали белые халаты, но путь к амбразуре преграждала деревянная, до пояса, загородка унылого серо-зелёного, как и вся столовая, цвета. Чтобы забраться за загородку, надо было подойти к крашеной тётке, восседавшей на табуретке перед фанерным коробом с прорезьями: она брала талончики, привередливо разглядывала их и опускала, как в почтовые ящики, в щёлки короба. Вместо них она выдавала дюралевые кругляши с цифрами — за них в амбразуре давали первое, второе и третье, но еда была разная, видно, в зависимости от талончиков.

Взгромоздив на поднос свою долю, я выбрал свободное место за столиком для четверых. Три стула уже были заняты: на одном сидела тощая, с лошадиным лицом, пионерка, класса так из шестого, два других занимали пацаны постарше меня, но и помладше пионерки. Выглядели они гладко и розовощёко, и я сразу понял, что пацаны гонят наперегонки — кто быстрее съест свою порцию. Парни часто поглядывали друг на дружку, громко чавкали, но молчали, ничего не говорили — состязание получалось молчаливое, будто, тихо сопя, они перетягивали канат: кто кого? Я поглядел на них, наверное, слишком внимательно и чересчур задумчиво, выражая своим взглядом сомнение в умственном развитии пацанов, так что один из них оторвался от котлеты и сказал мне невнятно, потому что рот у него был забит едой:

— Лопай, пока не получил по кумполу!

Я решил не спорить и принялся за еду, изредка поглядывая на гонщиков.

Нет, что ни говори, а еду эту можно было только так и прозвать — дополнительное питание. Уж никак не основное! От кислых щей сводило скулы. На второе мне полагалась овсянка с жёлтой лужицей растаявшего масла, а овсянку я не любил ещё с довоенных времен. Вот только третье обрадовало — стакан холодного вкусного молока. Ржаную горбуху я доел с молоком. Впрочем, я съел всё — так полагалось, даже если еда, которую дают, невкусная. Бабушка и мама всю мою сознательную жизнь настойчиво учили меня всегда всё съесть без остатка.

Доедал я один, когда и пионерка и пацаны ушли. Тот, который победил, проходя мимо, больно щёлкнул меня всё-таки по стриженной голове, так что молоком я запивал не только кусок ржаного хлеба, но ещё и горький комок обиды, застрявший в горле.

Перед этим, правда, был один момент, в котором я толком ничего не понял, разобравшись во всем лишь на следующий день, через целые сутки. Победив соперника, гладкий парень скатал хлебный шарик, положил его на край стола и чуть отодвинулся. Задрав голову, пацаны посмотрели вверх, и прямо на стол, точно по молчаливой команде, слетел воробей. Он схватил хлебный кругляш и тут же убрался.

— Повезло ему, — хрипло сказал чемпион.

— Ещё как! — подтвердил проигравший.

У чемпиона оставалась хлебная корка. — Оставить? — спросил он приятеля. — Шакалам? — возмутился тот. — Дай лучше воробьям!

Чемпион положил корку, но воробей, подлетевший тут же, не сумел ухватить её. Тем временем пацан, проигравший соревнование в еде, уже встал.

— Ну ладно! — поднялся победитель. — Не пропадать же! — И запихнул корку в рот.

Щека у него оттопырилась, и вот так той скособоченной рожей он прошёл рядом со мной и щёлкнул меня по макушке.

Я уже не озирался больше. Даваясь, глядя в стакан, доел ржануху и пошёл с номерком к тётке Груше.

Не очень-то вкусным вышло дополнительное питание.

Школы учили ребятню в три смены, и потому восьмая столовка дополнительного питания пыхла с утра до позднего вечера. На другой день я воспользовался этим: сразу после уроков в столовой очередь, да и вчерашних гладких парней встречать не хотелось.

Вот ведь гады! Я припоминал, как они соревновались, кто быстрее съест свой обед, силился представить их похжие лица, но ничего, кроме одинаковой гладкости, вспомнить не мог.

Словом, я погулял, побродил по улицам, и уж когда стало совсем голодно, переступил порог столовой. Народу к тётке Груше не было совсем, она скачала в окошке раздевалки, а когда я принялся расстёгивать пуговицы пальто, сказала вдруг:

— Не раздевайся, сегодня холодно!

Видно, на лице моём блуждало недоверие, а может, и просто недоумение — я ещё никогда в жизни не ел по-зимнему одетым, и она улыбнулась:

— Да не бойся! Когда холодно, мы разрешаем.

Для верности стянув всё-таки шапку, я вошёл в обеденный зал.

В столовой был тот ленивый час, когда толпа едоков уже схлынула, а сами повара, известное дело, должны поесть до общего обеда, чтобы не раздражаться и быть добрыми, и поэтому по обеденному залу бродила дрема. Нет, никто не спал, не слипались глаза у повара в амбразуре, и крашенная тётка возле короба сидела насторожённая, напряженная, точно кошка, видать, ещё не отошла от волнения ребячьей очереди, но уже и она напрягалась просто так, по привычке и без надобности. Ещё малость — она притихнет и замурлычет.

Дреме было, понятно, неуютно в этой столовой. Ведь ей требуется всегда, кроме сытости, ещё и тепло, даже духота, а в восьмой столовой стояла холодрыга. Похоже, дрова для котлов, чтобы еду сварить, ещё нашлись, а вот обогреть холодный монастырский пристрой сил не достало. И всё-таки дрема бродила по столовой — стояла тишина, только побрякивали ложки многих едоков, из-за амбразур медленно и нехотя выплывал белый вкусный пар, крашенная тётка, едва я подошёл к ней со своим талончиком, смешно закатила глаза, протяжно, со стоном зевнула.

Я получил еду и сел за пустой столик. Есть в пальто было неловко, толстые стёганые рукава норовили заехать в тарелку, и, чтобы было удобней сидеть, я подложил под себя портфель. Другое дело! Теперь тарелки не торчали перед носом, а чуточку опустились, вернее, повыше очутился я, и дело пошло ходче.

Вот только еда сегодня оказалась похуже вчерашней. На первое — овсяный суп. Уж как я не хотел есть, уж как я не терпел овсяную кашу, одолеть суп из овсянки было для меня непомерное геройство. Вспоминаю строгие лица бабушки и мамы, взывавшие меня к твёрдым правилам питания, я глотал горячую жидкость с жутким насилием над собой. А власть женской строгости всё-таки велика! Сколь ни был я свободен здесь, в далёкой от дома столовой, как

ни укрывали меня от маминых и бабушкиных взоров стены и расстояние, освободиться от трудного правила было нелегко. Две трети тарелки выхлебал пополам с тоской и, вздохнув тяжко, помотав головой, как бы завершая молчаливый спор, отложил ложку. Взясся за котлету.

Как он присел напротив меня, я даже и не заметил. Возник без единого шороха. Вчерашний воробей нашумел куда больше, когда слетел на стол. А этот мальчишка появился точно привидение. И усталился на тарелку с недоеденным супом.

Я сначала не обратил на это внимания — меня тихое появление пацана поразило. И ещё — он сам.

У него было жёлтое, почти покойническое лицо, а на лбу, прямо над переносицей, заметно синела жилка. Глаза его тоже были жёлтыми, но, может, это мне только показалось оттого, что такое лицо? По крайней мере, в них что-то светилось такое, в этих глазах. Какое-то полыхало страшноватое пламя. Наверное, такие глаза бывают у сумасшедших. Я сперва так и подумал: у этого парня не всё в порядке. Или он чем-то болен, какой-то такой странной болезнью, которой я никогда не видывал.

Ещё он бросал странные взгляды. У меня даже сердце сжалось, кровь в висках застучала. Мальчишка смотрел мне в глаза, потом быстро опускал взгляд на тарелку, быстро-быстро двигал зрачками: на меня, на тарелку, на меня, на тарелку. Будто что-то такое спрашивал. Но я не мог его понять. Не понимал его вопросов.

Тогда он прошептал:

— Можно я доем?

Этот шёпот прозвучал громче громкого крика. Я не сразу понял. О чём он? Что спрашивает? Можно ли ему доесть?

Я сжался, оледенел, поражённый. Меня дома учили всегда всё съедать, мама придумывала мне всякие малокровия, и я старался как мог, но даже при крепком старании не всё у меня выходило, хотя я и знал, что скоро снова засосёт под ложечкой. И вот мальчишка, увидевший недоеденный противный суп, просит его — просит!

Я долго и с натугой выбирал слово, какое должен сказать пацану, и это моё молчание он понял по-своему, понял, наверное, будто мне жалко или я ещё доем эту невкусную похлёбку. Лицо его — на лбу и на щеках — покрылось равными, будто родимые пятна, красными пятнами. И тогда я понял: ещё мгновение — и я окажусь свиньёй, самой последней свиньёй. И только потому, видите ли, что у меня не находится слов.

Я быстро кивнул. И потом ещё кивнул раза три, но мальчишка уже не видел этих кивков. Он схватил мою ложку и быстро, в одно мгновение, доел овсяный суп.

После того как я кивнул, пацан больше не смотрел на меня. Ни разу не взглянул. Быстро съел суп и, спрятав глаза, двинулся от стола. Я посмотрел ему вслед. Пацан ушёл в дальний угол столовой и только там обернулся. Он не глядел на меня, я, видно, уже не интересовал его. Он смотрел на зал, передегивая взгляд от одного столика, где кто-то ел, к другому. Рядом с ним, в углу, стояла маленькая девчонка.

Я доел котлету, выпил чай и слез с портфеля. Медленно, нарочно утишая шаг, я направился к выходу, украдкой, чтобы он не заметил этого, разглядывая пацана. Одет он был ничего, прилично, в серое пальто с чёрным собачьим воротником, такие, я знал, дава-

ли по ордерам в универмаге, и на девчонке было точно такое же пальто, только, понятно, маленького размера, и я подумал, что, может, это детдомовские ребята — там одевают всех похоже, будто в форму.

Когда я совсем приблизился к мальчишке с его сестрой — какой же мальчишка в наше время мог стоять с девчонкой, если она не сестра? — маленькая быстро, точно мышь, шмыгнула к столу возле окна.

Там сидела большая девчонка, тонкая и бледная, как бумага. Она кивала маленькой головой. И когда та подбежала, подвинула ей половину котлеты с половиной картофельного пюре. Я держался в дверях и увидел, что большая девчонка дала маленькой ещё и хлеба. Она что-то шептала, маленькая, а большая девчонка говорила ей неслышные мне, но добрые слова — это сразу видно, что добрые, потому что, когда говорят добрые слова, в такт им кивают головой.

Меня осенило.

Так вот про каких шакалов говорили вчера гладкие парни!

Я шёл домой и всё думал: а я бы смог так? Ведь это небось стыдно. Да наверное, и противно — доедать за другими. Ещё и просить...

Нет, пожалуй, паренёк с сестрёнкой не из детского дома, там ведь кормят исправно, а эти... Какими же надо быть голодными, чтобы отираться в столовке, доедать чужие куски, вылизывать чужие тарелки?

В детстве человечество не страдает риторикой. И этот вопрос, сколько дней надо голодать, чтобы попрошайничать в восьмой столовке, не был для меня вопросом ради вопроса. Я решил, что можно выдержать два дня. Да, два дня. На третий, каким бы ты ни был стыдливым, придёшь, попросишь, взмолишься.

И всё же я не мог представить такого стыда. Ясно кому угодно: просто так, без нужды, нормальный человек не станет попрошайничать. Но у мальчишки горели безумным светом глаза. «Может, всё-таки он больной? — спрашивал я себя. — Ну а девчонка? Тоже больная?»

На всякий случай ещё с вечера я стянул из буфета кусок хлеба, обернул его аккуратно газетой и положил в портфель.

Назавтра нас отпустили после четвёртого урока. Пятым была физкультура, но Анна Николаевна болела ангиной — и так-то сидела с температурой, а тут ещё надо идти во двор и выделывать всякие упражнения. Прежде у нас тоже такое случалось, но тогда, видать, Анна Николаевна чувствовала себя получше и физкультуру заменяла каким-нибудь другим предметом, той же, к примеру, арифметикой, задавала задачи, а сама куталась в платок, ёжилась, а наёжившись, что-нибудь изрекала в конце урока: мол, кашу маслом не испортишь. Дескать, что там физкультура, разве можно её сравнить с арифметикой, где лишний раз повторить — сущее благо.

Но тут она расклеилась совсем, говорила слабым голосом, а после звонка на пятый урок вместо неё в класс вошла Фаина Васильевна, наша директриса. Остановившись на пороге и понизив голос, она сказала, чтобы мы тихо и быстренько собирались и шли домой, потому что у Анны Николаевны температура.

Я припустил в столовку и застал столпотворение. Змейёй петляла очередь к тётке Груше, но многие не разде-

ваясь шли прямо к тётке с коробом, ели в пальто, — мест за столиками не хватало, и некоторые жевали даже стоя, пристроив тарелки на краешек занятого стола или на широкий монастырский подоконник.

Особенно много было малышей, и я понял, что сошлись две или, может, даже три смены. Маленькие, которых отпустили раньше, вторая смена ела, ясное дело, перед уроками, а из третьей пришли те, у кого, наверное, терпения не хватало. Я подумал и двинулся на приступ амбразуры одетым.

Когда ты невелик ростом, жить трудно. Тебя отталкивают, могут дать по макушке, подставить ножку, если ты спешишь, и зло обхототать. Пока я стоял к тётке с коробом, пацаны побольше стали проходить вперёд и, приметив девчонку или маленького пацана, запросто влезали перед ними. Даже не оборачивались, нахалюги, и, уж конечно, ничего не говорили в оправдание. И маленьким приходилось объединяться. Перед мной сперва был красноухий мальчишка, и я взял его за хлястик пальто, чтобы никто не ворвался между нами. Он только улыбнулся мне, показав пол-лица с кривыми зубами. Сам он держался за девчонку. Но когда мы приблизились к кассирше, между мной и красноухим влез длинный парень с большим горбатым носом. Он так нагло вклинился между нами, будто совсем и не замечал, что мы держимся друг за дружку. Я сразу присвоил ему кличку Нос.

— Э! — сказал я тихонько. А про себя добавил: «Нос!»

Длинный повернулся ко мне.

— Не рыпайся, — прошипел он, и на меня пахнуло таким ядрёным махорочным духом, что я покорился.

А длинный махнул рукой и пропустил перед собой ещё парней пять, не меньше, наглец такой.

От шайки этой пёрло, как из курительной комнаты где-нибудь в кинотеатре, они галдели, матюгались, правда, понижая при этом голоса, толкались, и вообще, нестрашные, может, каждый поодиночке, вместе они были какой-то грубой и злой силой, с которой даже взрослые предпочитали не связываться.

Портфели эта банда свалила возле стенки, и никто из них ни разу не обернулся на своё добро. Я не завидовал таким шайкам, их тогда было много, чуть не в каждом дворе или даже классе — там царили неправедные законы, зло и несправедливость. Ладно бы задевали других — они и своего могли запросто избить. Да что там, почти в каждой компании была своя «шестёрка» — пацан, который считался вроде бы адъютантом самого сильного. Но были у шаек и свои привилегии. Они не боялись взрослых. Они не тряслись на каждом шагу, если были вместе. Они не озирались по сторонам и запросто могли свалить в кучу свои сумки. А я вот не мог даже такой малости. Я был одинок в этой столовке и крепко держал свою сумку, думая о том, как же поташу поднос с едой да ещё портфель.

Это, конечно, удалось плохо, суп, на этот раз любимая гороховица, расплескался наполовину, я и остальное еле дотасил. Хорошо, хоть повезло с местом. Наконец я устроился. Неподальку гоготала шайка — парни заняли столик, но двоим мест не досталось, и они ели стоя, наклоняясь к своим тарелкам за каждой ложкой, смешали остальных.

Мне досталось удобное место, в углу, да и вместо портфеля я устроился на собственной ноге, подтянув её под себя, а нога была в большом валенке, поэтому вся столовая открылась передо мной как на ладони.

Что же вокруг творилось! Я даже хотнул — никогда я не видывал такого. Очередь к накрашенной тётке вилась между столами и заканчивалась возле гардероба, где опять, как кукушка, мелькала в своём окне черноглазая Груша.

А шум какой стоял! Такой гомон мог быть ещё только на вокзале. Поезд вот-вот тронется, а люди не сели, да и в вагонах не хватает мест, и все колготятся, дёргаются, а сделать ничего не могут.

Народ в восьмой столовой тоже колготился и дёргался. Грохали железные миски у раздавальщиц в амбразуре. Постукивали ложки о края мисок в обеденном зале. Мальчишки и девчонки разного роста и в разной одежде вставали, садились, ходили между столиков, говорили, смеялись, вскрикивали, носили подносы с едой и волокли их обратно, уже с пустой посудой.

В такой толкотне отыскать желтолицего было не так-то легко. Да и пришёл ли он сегодня? Мог ведь и не прийти. Или появиться позже.

Прихлёбывая суп, я внимательно изучал столовую. И вдруг увидел, как к белолицей девчонке, которая несла поднос, подскочил маленький мальчишка и схватил её хлеб. Девчонка испуганно вскрикнула, едва не выпустила поднос, а парни из шайки захохотали:

— Молодец шакалёнок! — крикнул длинный.

— Шакалы! — пискнуло у меня под ухом.

Я повернулся. За моим столом сидела девчонка и ещё два мальчишки, все младше меня. Даваясь, они торопливо ели свою еду, да ещё свободной рукой прикрывали миски, будто кто-то выхватит их сейчас.

— Второе-то не отнимут, — сказал я, стараясь их успокоить. — А суп и подавно!

Я старался улыбнуться, а веснушчатая и щербатая девчонка — из разговорчивых, видать, — прошепелявила сквозь картофельное пюре:

— Ещё как отнимут!

— Прямо миску? — удивился я.

— Прямо миску! Я видела один раз, — прожевав, будто учительница, объяснила она, — как парень прямо из миски котлету выхватил и тут же съел! Даже не побегал!

Маленькие пацаны за нашим столом сильнее застучали ложками.

— Главное, — объясняла Веснушка, — скорее суп съесть.

— Почему? — удивился я.

— Тогда только одна тарелка останется. Её можно держать.

Двое мальчишек замирали, пока девчонка говорила, будто запоминали урок умной учительницы, но, как только она замолкала, просто грохотали ложками.

Я снова оглядел зал. И увидел наконец желтолицего. Он походил на охотника. Стоял в какой-то насторожённой позе.

А щербатая девчонка не умолкала. Она добралась до компота и, видно, теперь не боялась, что её ограбят. Вот и старалась.

— Есть, конечно, такие, которые по хорошему просят, — сказала она и отпила компот. — На них и облавы устраивают. Ничего не помогает. — Она болтала ногами и уже не думала о страхе. — Но хуже всех маленьким приходится. И нам, девчонкам. А если ты маленький и девчонка, то вообще!

Оля СИЛКИНА, 9 лет Зарифмую мир

Котик

Жевал под окном бутербродик
Пушистенный серенький котик.
Позвали играть его кошки,
Что жили на тряпках в лукошке.
Он есть бутерброд перестал
И крикнул: «Я очень устал!»

Подружке

Спи, моя дорогая подружка,
Пусть хранит твои тайны подушка.
И тебе этой ночью должны
Сниться только пуховые сны.

Сосиска

Попала в кастрюлю
и крышкой накрылась.
Кипела, шипела, краснела, варилась.
Но лопнула кожа у этой сосиски,
Когда оказалась пред Вовкою в миске.

Море

Я купаюсь в море,
Позабыв о горе.
Ну, а горе мое в том,
Что волною смыло дом.
Дом из желтого песка
Создавала на века.
А его слизнуло море.
Может, также слижет горе?!

Окно

Проживало на даче окно,
Было грязным все лето оно.
Неожиданно осень настала,
Дождь пошел, и оно засияло.

В буфете

По расцветке как будто букашки,
Две кофейных фарфоровых чашки.
И у каждой — любимые блюдца,
А любимые блюдца не бьются!

Два блюдца — большое и малое,
Но дружба у них небывалая!

Пончики

В золотистой корочке из теста
Пряталась от пончика невеста.
Но не долго это продолжалось,
На обеде к пончику прижалась.
И сказала пончику: «Прощай!
Если можешь, помнишь обещай!»
Пончик ей ответить не успел,
Этот пончик Вовка первым съел.

Пылесос

Все он хочет в себя вдохнуть:
С пола пыль и клочки бумаги,
И заходит в кашле грудь
У бедняги.

Черепашка

Живет, не зная страха,
Подмигивает мне,
И носит черепашка
Свой домик на спине.

ВО ИМЯ МАТЕРИ

Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска» приступил к реализации нового издательского проекта — Антологии сибирской поэзии «Во имя Матери». В Антологию войдут стихи сибирских поэтов, посвященные Матери, нашим — да святятся их имена! — мамам. Стихи о святом чувстве материнства, а также посвященные Матери Господа нашего Иисуса Христа — Присноблаженной и Пренепорочной Деве Марии. О Родине-Матери...

Для всех народов и племен во все времена, начиная от лет древнейших и донныне имя матери считалось и считается священным. И в самом деле — кто отдает человеку всю свою любовь и ласку? Кто любит до самозабвения, до готовности отдать свою жизнь? — Мать дорогая.

Кто своими страшными муками дал нам жизнь? Кто при нашем рождении проливал свою кровь? Кто всё свое сердце, весь свой покой отдает дитяти? — Мать родная. Кто ночи бессонные просиживал над нашей колыбелью? Кто грудь свою, часто больную и иссохшую, подавал нам для кормления? Кто в младенчестве нашем чутко прислушивался к каждому нашему крику, к каждому нашему вздоху, к нашему дыханию? — Все она родная.

Кто скорбел нашими скорбями? Кто радовался нашими радостями? Кто с нами плакал горькими не подкупными слезами? Кто вздыхал над нами своими тяжкими горестными вздохами? — Все она и она родная. Кто больше всех любит? Кто чаще всех плачет? Кто сильнее всех скорбит? Кто тяжелее всех тоскует? — Мама, мама родная.

Кто больше всех беспокоится? Кто сильнее всех волнуется? Кто тяжелее всех душою страдает? — Все она родная... Все она родная...

Мать... Святое слово это... Священное имя это... Сколько светлых воспоминаний связанных с ним. Сколько чистых радостей детства соединено с этим именем?.. Мама дорогая...

Мама!.. Ведь это первое слово, какое мы впервые произнесли, когда в младенчестве своем учились говорить. «Мать» — святое слово; святое имя; священный образ; священна и свята память о матери...

Родина — это творение Божие и сама Красота, отражающая дивный, непостижимый и необъятный в своем благолепии и премудрости Лик Творца и Создателя всего сущего. Это — чудный Сад, в котором растет, цветет и плодоносит самое великое Божие сеяние на земле — сотворенный Богом человек.

Родина — Мать. Человек вбирает в себя все соки Родины, питается ее подземными ключами, согревается в лучах ее солнца, омывается ее благодатными дождями, напитывается от тука нив ее, просвещается духовно от ее рукотворных и нерукотворных святынь, обогащается духовными сокровищами, — всем тем нравственным запасом, который собирался до него многими поколениями благочестивых предков. Родина человеку — колыбель. Родина — кормилица. Как только приходит человек в мир отечески, матерински склоняется над его колыбелью Родина.

Так что зовём всех поэтов Сибири на святое дело — на создание поэтической книги о Матери. Книге-приношению, которая представляется нам в границах Сибирской губернии времён Матвея Петровича Гагарина, поэтому в неё должно войти почти всё поэтическое Зауралье. Более того, Сибирь — в изначальных своих границах — это и Верхотурье, и Пермь Великая, и Вятка, и Дальний Восток. Потому-то в антологию войдут стихи и поэтов Урала — Екатеринбург. Перми и Кирова. Камчатки и Чукотки, Читы и Магадана, Хабаровская и Владивостока...

Стихи следует высылать по электронному адресу

j-perminovomsk@mail.ru

Дополнительно следует сообщать год рождения и местожительство.

редактор-составитель Юрий ПЕРМИНОВ

РЕКЛАМА

Издательство «АсПур»

предлагает авторам (от начинающих до профессиональных) издание книг, брошюр, художественных альбомов: от набора текста, верстки, дизайнерских работ и полиграфического исполнения — до изготовления рекламных и презентационных материалов: афиши и плакаты, листовки, буклеты, открытки и календари с рекламой Вашей книги.

С Вашим заказом будут работать профессиональные редакторы, художники, дизайнеры и полиграфисты.

Адрес издательства: 620075,
г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 12.
E-mail: aspurizdat@mail.ru

Телефоны издательства:
(343) 371-12-06, 216-11-63,
8-912-22-604-92.

ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКИМ И РЕКЛАМНЫМ МАТЕРИАЛАМ, ПОДАВАЕМЫМ В «БМ»

1. Объем: информационных материалов — до 2 тыс. знаков; статей — до 7 тыс. знаков; проза — до 19 тыс. знаков; поэзия — до 7 тыс. знаков. К материалам желательно прилагать фото автора, биографическую и библиографическую справки.
2. Вся верстка выполняется на платформе РС.
3. Текстовая информация принимается в форматах txt, rtf, doc.
4. Векторная графика (рисунки) принимается в форматах eps, cdr. Все шрифты должны быть преобразованы в кривые. Предпочтительный формат Adobe Illustrator.
5. Растровая графика (фото) принимается в формате tif и eps. все изображения в натуральную величину должны иметь разрешение 300 dpi, не содержать посторонних путей и альфа-каналов.
6. Материалы принимаются по электронной почте (адрес указан в выходных данных), на дискетах 1,44 Mb, CD.

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

№3(26)

АВГУСТ—СЕНТЯБРЬ 2010
АССОЦИАЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ УРАЛА
ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.
РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ
НА ТЕРРИТОРИИ УРАЛА, СИБИРИ И
ПОВОЛЖЬЯ

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:**

Екатеринбург:

Кердан А.Б.
главный редактор, координатор
Ассоциации писателей Урала;
Бриль Ю.Г.
Заместитель главного редактора;
Титов А.Б.
председатель отделения Союза
российских писателей;
Расторгуев А.П.
председатель отделения Союза
писателей России.

Барнаул: Тихонов В.Е.

председатель краевого отделения
Союза писателей России

Кемерово: Бурмистров Б.В.

председатель областного отделения
Союза писателей России

Киров: Морозов В.И.

председатель областного отделения
Союза писателей России

Курган: Филимонов В.И.

председатель областного отделения
Союза писателей России

Муравленко: Овсянников А.В.

председатель окружного отделения
Союза российских писателей
Быковский В.А.
председатель окружного отделения
Союза писателей России

Нижевартовск: Александрова М.А.

председатель городского сообщества
писателей

Омск: Ерофеева-Тверская В.Ю.

председатель отделения Союза
писателей России.

Оренбург: Хомутов С.Н.

председатель регионального
отделения Союза российских писателей

Пермь: Якушев В.В.

председатель областного отделения
Союза писателей России.

Сыктывкар: Козлова Е.В.

председатель республиканского
отделения Союза писателей России

Томск: Скарлыгин Г.К.

председатель правления областного
отделения Союза писателей России.

Тюмень: Денисов Н.В.

председатель областного отделения
Союза писателей России;

Марласов А.М.

президент Тюменской ассоциации
литераторов;

Шамсутдинов Н.М.

председатель областного отделения
Союза российских писателей

Ханты-Мансийск: Рябий И.А.

председатель правления окружного
отделения Союза писателей России.

Челябинск: Белозерцев А.К.

председатель областного отделения
Союза писателей России;

Шишов К.А.

председатель организации Союза
российских писателей.

**РЕДАКЦИЯ ВЕДЕТ ПЕРЕПИСКУ
С ЧИТАТЕЛЯМИ!**

Адрес для писем: 620075,
г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 12.
«Ассоциация писателей Урала».
E-mail: ursamajor2005@yandex.ru.
Электронный архив газеты:
www.ayac.narod.ru/ursa/
Контактные телефоны:
(343) 371-33-70, 371-12-06

© Все права на материалы, опубликованные в издании, защищены законами об авторском праве.

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в рекламных объявлениях и сообщениях информационных агентств. Перепечатка материалов из газеты «Большая медведица» и предоставление справочной информации только по специальному согласованию.

При создании логотипа издания использована гравюра из астрономического атласа Яна Гевелия (1512 год). Идея логотипа — В. Дулепов

Тираж 999 экз.

Отпечатано в типографии
ООО «Режевской Печатный Дом»,
г. Реж, ул. Красноармейская, д.49.
Тел. (8-3436) 42-15-32